

CHOXODELL

ALEXANDRA OTHEVIN

18+

Александра Огневич

Сноходец

<https://litres.ru/74376849>

SelfPub; 2026

Аннотация

Соня Покойных видит сны, опасные настолько, что в них можно умереть. У неё нет другого выбора, кроме как довериться чудовищному сноходцу: немому демону снов по имени Шорох. До тех пор, пока страшные гости из ночных кошмаров не проникают в наш мир, а Соня спрашивает себя, может верить Шороху или нет.

Содержание

Пролог	4
Глава первая. Сера	12
Глава вторая. Коридор в прошлое	33
Глава третья. Красный мир	45
Глава четвёртая. Шорох	67
Глава пятая. Луна-парк	94
Глава шестая. Квартира номер тридцать пять	114
Глава седьмая. Пять американских центов	142
Конец ознакомительного фрагмента.	161

Сноходец

Пролог

Когда она говорила «Оклахома», воображала скалистые склоны и высокие горы, маревом растворяющиеся в лазурном небе.

В голове сразу была картинка из журнала: там однажды она увидела трассу 66 — ту самую, вдоль которой рассыпалось бисером по ткани множество маленьких городков. Заедешь в один такой — перенесёшься в Америку 70-х, но упаси Боже оказаться там без широкополой шляпы стэтсон: низкое и ослепительно белое солнце мигом напечёт голову.

С севера у него в соседях Канзас и жаркий Колорадо. С запада — таинственный Нью-Мексико. Юг огибает Техас, восток — Миссури. Мало кто знал, но само название, *okla humma*, значило «красные люди» с языка чокто — иначе его называют мускогским. Жители оклахомских полесий дали однажды имя этой земле и навсегда оставили свой след в истории Соединённых Штатов.

Оклахома...

Она покатила слово на языке и попробовала его на вкус.

Красивое название, хотя она ждала, что его придётся искать не в крае жара и зноя, а среди тёмных и мрачных, та-

инственных лесов и болот. Впрочем, в путеводителе говорилось, что там и болота имеются. В пальцах она до тех пор перебирала крапчатое перо, подвешенное на цепочку. И отпустила, так что оно вновь легло между грудей под футболкой.

Носить его не снимая стало уже привычкой — и даже необходимостью. Перо было старым, но бережно хранимым. Любимый талисман. Шелковисто проведёшь таким по скуле или руке, и страхи отступают.

А было ли чего бояться?

Она медленно кивнула сама себе и заправила волнистые волосы за уши. Как отрезала их десять лет назад, так они больше и не росли длиннее плеч, словно заколдованные.

Соня вспомнила, что читала где-то про индейских шаманов, которые — да и не только лишь они одни — считали, что в волосах и ногтях кроется жизненная сила человека, его энергия. Если так, значит ли это, что тогда она отсекла от себя часть, лишь бы никогда больше не видеть его?

— Соня, паспорт держи.

Она вздохнула и взяла корочку из Мишиных рук. Миша был невесел, он ужасно устал от всей этой истории — ещё с того момента, как предстояло оформлять визу в США, морочить себе голову с одобрением консула в посольстве, покупать билеты на один самолёт, ведь Соня провернула эту поездку у него за спиной. Всё это требовало времени, нервов и денег, но жена была непреклонна: она рвалась в Америку так, словно там её кто-то ждал, и сказала Мише однажды,

сжав на коленках сорочку.

Миша до сих пор помнил тот вечер. Тогда его весёлая и добродушная Соня показалась нестигаемой и холодной, совсем чужой. Он привёл много аргументов против путешествия. Лишних денег нет, и эти, потраченные на бестолковую Оклахому, лучше бы вложить в автокредит, купить машину или отдать в банк за ипотеку. Короче, жить как люди. Как все нормальные люди.

На этой фразе Соня странно покосилась на него и спросила тихо, но вкрадчиво:

— А кто сказал, что я нормальная?

И он усомнился. А усомнившись, лёг ночью рядом с ней и по привычке обнял, но заснуть долго не мог.

Он всю жизнь думал, что она обычная девчонка, но что-то точило его жучком, и если копнуть в памяти, вспоминалось всякое: как она дрожала с ним до рассвета и не спала по нескольку дней, потому что ей в дверном проёме чудился висельник, и как смеялась сама с собой в пустой тёмной комнате, когда ей было лет девятнадцать — тогда все в их компании подумали, она выпила, быть может: дело было на вечеринке. Но Соня никогда не была пьяна — вот совсем ни разу. Когда она ему так и сказала, мол, не любит всё это, потому что крутым не считает, Миша подумал — она хочет его надуть. Врёт, чтоб казаться интереснее прочих, зацепить чем-то. Показать умнее и старше других, что ли.

Что это всё глупости, и что ей плевать на чужое мнение, он

понял сразу же, как сблизился с ней. И понял ещё: с ней произошло до их знакомства что-то страшное. Это было очевидно, когда одним днём она горько разрыдалась прямо перед ним. А на вопрос, почему, ответила, что потеряла кого-то.

Кого-то очень близкого.

Для Миши Соня долго была хорошим другом. Потом она стала из хорошего друга — хорошей девушкой, а там и хорошей женой тоже. И настолько хорошесть эта вбилась в Мишины виски — ещё совсем не седеющие, а вполне ещё молодые и агатово-чёрные — что он не поверил своим ушам, когда вернулся однажды домой, а Соня ему с порога объявила: — Я уезжаю в Америку.

Он тогда моргнул пару раз, чтоб точно понять — не ослышался и не почудилось. Но Соня стояла перед шкафом, какие уж тут шутки. Из него она вывалила все свои вещи на кровать и кресло, развесила их по изогнутой спинке, будто цветастую гирлянду. И добавила следом:

— Нравится тебе это или нет.

Она знала, что прагматичный муж вряд ли будет радоваться спонтанным расходам. Ну как же! Америка! Сколько лишних трат! Одни билеты на самолёт чего стоят, не говоря уже о жилье и питании. И всё ради чего? Скажет, что это всё её глупая прихоть.

— И на сколько дней?

Миша спросил это безразлично и тут же нагнулся расшнуровывать ботинки. Но Соня с вызовом сказала:

— На две недели.

Миша выпрямился, возмущённо посмотрев на жену.

— Две?! Господи, куда? Ты представляешь, во что это нам влетит?

— Я сама всё оплачу, — у неё стал прохладнее голос. — У меня есть накопления.

Миша снял ботинки на специальном коврике в прихожей, потому что снаружи шёл дождь и было очень сыкотно. Он осмыслил сказанное и задумался, откуда у неё деньги, а вслух снова возмутился:

— За двоих?!

— Я тебя с собой и не зову, — отрезала Соня, и тогда его впервые уколола неприятная догадка.

Может, она не просто так едет, а к кому-то? Впрочем, этого он ещё не спрашивал. Да и не осмелился бы вот так в лицо спросить. Потому и уточнил:

— Это по работе? Или хочешь отдохнуть?

Соня молчала, опустив глаза. Она сворачивала толстовку, чтобы уложить её в чемодан, и Миша чуть повысил голос:

— Ради чего вообще ты туда едешь?!

— Мне нужно.

Миша усмехнулся и покачал головой. Он прошёл в ванную, оставив дверь открытой. Включил кран. Под шум зеркального столбика воды, бьющего о край раковины, повторил уже громче:

— Но цель-то должна быть. Ради чего всё это?

— Не надо спрашивать, нужно — и всё. Вопрос жизни и смерти.

Миша устало потёр переносицу и расстегнул рубашку. В их небольшой квартире-студии было по-осеннему пасмурно. То, что творилось на улице снаружи — хмарь и уныние — пробралось и за пределы стен, просочилось сквозь бетонные блоки дома, опутало и изъязвило стены.

У Миши выдался очень нервный день: вся неделя (или даже вся жизнь) была такой — на работе вечный аврал, людей не хватает, начальство недовольно и грозит лишить премий. Все кричат и торопят. А без премии не то что Америка... сиди и лапу соси от зарплаты до зарплаты.

Миша посмотрел на Соню — как она складывала тонкое платье поверх пакета с нижним бельём, и заметил:

— С визой будут проблемы. Нужно идти в посольство, её так просто не дают. Сейчас с этим вообще беда, ты же знаешь.

— Если тебе нужно со мной, устраивай себе визу, но быстро, — невозмутимо сказала она. — Я уже всё давно получила.

Она проигнорировала его взгляд. Муж смотрел обиженно и удивлённо, и Соня хмыкнула про себя: да пусть. К чёрту.

— У меня рабочая виза на год. И я еду, Миш, в октябре, нравится тебе это или нет.

— Через месяц?! — он взглянул на чемодан и указал на него рукой. — А это...

— А это — чтоб пути назад не было, — отрезала она и громко хлопнула крышкой.

И вот сейчас она сидела в аэропорту. Тот самый серебристый чемодан с биркой, на которой нацарапала свою фамилию — Володарская — сдала в багаж и осталась с ручной кладью. Небольшой, но дорогой чёрный рюкзачок она небрежно повесила на плечо. Оделась в то, что получше, и взяла лучшую свою сумку, — подумал внимательный Миша и помрачнел. Это неспроста.

Но если бы ехала в Америку к мужчине, его, Мишу, с собой не взяла бы? Так?

Соня волновалась, как перед долгожданным свиданием. На целый месяц она забыла, что замужем. Ночью отворачивалась от Миши и крепко обнимала подушку, а днём говорила с ним сухо и по делу. Порой спина у неё содрогалась, а сама она всхлипывала; Мишка не знал, отчего жена плачет, но такой несчастной не видел её никогда, хотя за десять лет брака видел Соню всякой.

Тогда и подумал, что отпускать её в Оклахому одной будет фатальной ошибкой. И что дело здесь нечисто. Внутреннее чутьё редко его подводило, он и здесь не ошибся.

И глядя в панорамное окно на самолёт, который готовили к пуску в небо, — туда же вперилась взглядом Соня — не знал, что она действительно летит, чтобы найти там, в жарких прериях, кого-то особенного.

Того, кого давно потеряла, но должна была опять разыс-

кать, потому что это спустя столько лет пришло за ней.

Снова.

Глава первая. Сера

Полёт прошёл очень плохо.

Пятнадцать часов — огромный скачок в часовых поясах — дались им обоим непросто. Миша вообще поспорил, что Соня не зайдёт на борт самолёта: летать она боялась до полусмерти и даже каких-то два часа перелёта раньше не могла усидеть, после замогильным голосом повторяя «Да никогда больше!». Но сейчас, вопреки его злорадным ожиданиям, она сидела у окна и пристально смотрела на густые серые облака, думая о своём и подпирая щёку рукой.

Пятнадцать часов почти непрерывного молчания. Миша едва не свихнулся.

Он думал, что большую часть полёта будет спать — но ему отчаянно не спалось. Казалось, что-то постоянно мешает. Мелькает на периферии зрения неясной тенью. Раздражает. Шепчет в уши. Он кемарил, потом просыпался. Ёрзал в кресле. Возился, убирал плед, затем снова накрывал им колени. Когда надоело сидеть в тишине, включил фильм. Соня даже не повернулась. Он постарался выкинуть это из головы, чересчур загруженной совсем другими мыслями.

Он не хотел в эту чёртову поездку: у него на работе и так кошмар, не до Америки, право слово. Пока был на таможенном контроле, позвонили тысячу раз из офиса и задёргали

из-за документов... Соня недобро усмехнулась, глядя, как он нервничает, и предложила ему взять такси: до работы до рога будет стоить не больше тысячи. А потом добавила, что сама всё оплатит.

Миша мрачно представил, что она вздохнёт с облегчением, когда он скажет «хорошо» и кивнёт. Хотя ему ужасно хотелось послушаться и спокойно уехать, сесть в такси, хлопнуть дверью, он не стал этого делать. Это будет значить одно: он форменный дурак, а возможно, и рогоносец. Перед глазами тут же всплыло довольное лицо жены, собиравшей чемодан в их крохотной двушке. Она была бы очень рада улететь без него.

Вопрос главный — к кому? И второй, но не менее важный — зачем?

Самолёт приземлился в аэропорту имени Уилла Роджерса в Оклахома-Сити. Вывески кругом были на английском, таблоид на английском, речь тоже чужая — английская, французская, испанская. Кто-то бегло щебетал на китайском. Белый глазированный самолёт авиакомпании United Express остался у четы Володарских за плечами. Они вышли из четырнадцатого гейта и смешались с людским потоком, Миша забрал чемоданы с ленты — и они покинули терминал, не успев рассмотреть его как следует.

Кажется, Соню это совершенно не волновало. Она невозмутимо проследовала к выходу, зорко выцепила взглядом белое такси и устремилась к нему.

— Может, подождёшь? — устало позвал Миша и повололся следом за ней с двумя чемоданами.

Пока он шёл, она уже быстро договорилась с первым попавшимся таксистом и назвала адрес. Миша различил в её беглой английской речи «Сульфур» и подумал: наверное, это отель. Они загрузили чемоданы в багажник и загрузились сами в большую белую тойоту, сев сзади. Миша придвинулся к жене ближе и взял её за руку, привычно сжав пальцы в своих, затем ободряюще взглянул на неё и улыбнулся, но её улыбку в ответ не получил.

По дороге, тянущейся к линии оранжево-ржавого горизонта, они устремились вперёд.

Было раннее утро. Солнце ещё дрожало за краем земли, воздух хранил ночной холод. Оклахома показалась Мише землёй контрастов с первой же секунды, и потом он убедился, что чутьё его не подвело. Он проморгался и удивился про себя, что каких-то пятнадцать часов прошло — и вот они уже на другом конце планеты. Дома он думал: Соня точно повеселеет, когда прилетит в Америку, но она, кажется, ещё больше помрачнела.

— Ну теперь-то ты скажешь, куда мы едем? — осторожно уточнил он. — Сразу в отель?

Она делала какую-то тайну из поездки и повторила то же, что всегда: всё узнаешь на месте. Не хочешь со мной — езжай обратно! А хочешь, не задавай лишних вопросов. Мишу это откровенно бесило, но он, честно говоря, боялся, что у

Сони что-то перемкнуло в голове. Он читал, с людьми иногда такое бывает. Ещё он читал, что в таких случаях человека никогда нельзя оставлять в одиночестве. Мало ли, что взбрѣдет ему в голову. И потом. Муж и жена — одна Сатана, в горе и в радости, чѣрт возьми, а она...

— Ну хотя бы скажи, — вымученный полѣтом и поездкой, спросил он. — Когда мы приедем?

— Почти на месте, — сказала Соня и поправила сетчатый кардиган, упавший с плеча. — Ладно. Нам нужно в Серу. Не бери во внимание, что это. Сам всё увидишь.

— Что там такого? — он достал из кармана джинсов телефон и решил переставить сим-карту, которую купил заранее. — Прекращай уже свои тайны, колись!

— Вот уж нет, — покачала головой Соня и уставилась на бесконечную равнину, разливающуюся рыжим заревом под встающим солнцем. — Ещё раз говорю. Всё. Увидишь. Сам.

Мише не нравились тайны и секреты — больше всего на свете он терпеть не мог, когда от него что-то скрывали, а тем более, если это были близкие, и дважды тем более — жена, с которой и в горе, и в радости, и в болезни, и в здравии, пока смерть не разлучит...

Миша поморщился и посмотрел в окно на расплавленную прерию, надеясь, что жар выжжет у него из головы неприятную мысль, тревожно скачущую по закоулкам сознания: что ей могло здесь понадобиться?

Ей, обычному рядовому редактору рядовой типографии?

Ей, обычной, простой, привычной, такой родной, что кажется, Мишка знает её сотню лет и изучил вдоль и поперёк, а если и нет, невелика потеря, потому что он в курсе всего, о чём она думает сейчас или подумает немного погодя.

Что такого она может потерять и найти здесь, в этой чёртовой пыльной Оклахоме, в этом чёртовом городе Сера, что ещё за название такое?!

Миша негодуяще испепелял прерию взглядом, а она — неожиданно холодно и насмешливо для простого бесхарактерного пейзажа за окном машины — пристально смотрела в ответ. Жена была погружена в свои мысли — не человек, а вещь-в-себе, как у Канта, такая chose en so, непознаваемая и существующая как бы отдельно от целого мира, и даже вне Мишкиных желаний и надежд.

Он уже забыл, когда Соня была именно такой. Может, в восемнадцать, когда они только познакомились? Или в двадцать, когда решили пожениться? Но не накануне же её тридцатилетнего юбилея, не в год, когда они чётко распланировали, как будут жить дальше!

Всё пошло наперекосяк с этой чёртовой поездкой. Миша понял это, когда увидел бледное и полное решимости лицо жены. Вот сейчас она совсем не обращала на него внимания, только барабанила пальцами по подлокотнику машинной двери. Если прежде делала вид, что не хочет говорить с ним, и обижалась, то теперь взаправду не хотела говорить.

Он это кожей чувствовал.

В пути они были два с половиной часа: от поездки по гладкой американской дороге, залитой миражами из-за яркого солнца, Мишу замутило, хотя в машинах он ездил нормально, и в автобусах тоже, да и на аттракционах тоже никогда не жаловался. Какое-то дурное предчувствие стиснуло ему горло, так, что стало душно. В машине работала сплит-система, но он отчаянно захотел открыть окошко и высунуть в него голову, чтобы глотнуть упругий поток воздуха, и чтобы тот раздул ему горло пузырьём и выдавил к дьяволу головокружительное желание проблеваться.

Миша в самом деле открыл окно, нажав на кнопку. Водитель покосился на него в зеркало заднего вида и такой — it's okay? Жена лишь мельком взглянула на супруга, который совсем как пёс показался в окне, дыша открытым ртом, и тихо, но очень чётко в вакуумной тишине сказала:

— Дурак.

Мише захотелось горько рассмеяться, потому что он чувствовал на лице не прохладный ветерок, а издевательски горячее дыхание американской знойной равнины. Она была как раскалённая адская сковорода. Пыхала жаром и смеялась: женщина может сказать «дурак» и вознести в небеса, потому что у неё в голосе будет столько нежности, что впору в ней топись. Женщина может промолчать — и ты уже погиб. Тебе, дружище, не повезло больше всех. Она, наверно, жутко тебя ненавидит...

А может, и того хуже — презирает. Ведь кто скажет тоном настолько презрительным, что руки опускаются?

Точно не та, кто любит, и кто накануне свадьбы встречала тебя с улицы (помнишь, шёл ливень, с тебя текло ручьями), держа в руках полотенце. Точно не та, кто за тобой уехала в другой город, хотя свой любила до безумия.

Как и когда они стали друг другу чужими настолько, что он внезапно испугался её мрачной решимости, сидя с ней в одной машине в незнакомой стране, один на один, фактически?

Миша спрятался обратно в салон и мрачно закрыл окно, понимая, что тошнота не исчезла, а села холодной лягушкой где-то над диафрагмой и давит. Тогда он продолжил изучать прерию.

Скальные породы выросли из земли высокими отвесными столбами, а сама земля была красной, жжёной как кирпич, покрытой глубокими трещинами там, где по ней не стлалось чахлое разнотравье, палимое солнцем. Они были цветом такие разные, от бежевых до ржаво-багровых — кремниевые копи, оставшиеся каньонами от давно ушедших поколений. Безмолвные наблюдатели сменяющихся человеческих эпох. Они высились совсем как термитники или муравейники — если сощуриться и посмотреть издали, и Миша должен был почувствовать их величие, потому что скалы эти с их склонами и непокорными стенами навевали мысли о свободе и воле, но он их с первого взгляда возненавидел,

притом люто. В нём всё естество кричало это ненавижу! И только многим позже он понял, почему.

Тойота проплыла зелёный дорожный знак. Большую табличку:

Sera

Indian reservation (native American development)

525-13-14

2163

Они на месте!

Он хотел было вздохнуть с облегчением, как вдруг понял, что Сера — очень маленький городок, ну почти городишко, да что там — деревня даже, с низенькими, максимум в два этажа, домами, с большим баром в самом центре города, с зачуханной на вид гостиницей «Невада». Вывеска перекошена, повисла на спущенных петлях над козырьком, и вид у неё самый жалкий.

Но Соня впервые оживилась и припала к окну, вжавшись ладонями в стекло. Она жадно провожала взглядом проплывающую Серу, стараясь уловить и впитать всё увиденное — и без акцента бегло спросила у водителя, сможет ли он им остановить у отеля.

Тот ответил — no problem.

Он, наверное, тоже решил, что она у них в семейке главная. Главная чокнутая в чокнутой семье, ага.

— Это здесь? — возмущённо спросил Миша. — Это сюда тебе было надо?

Соня вообще не отреагировала, хотя должна была. Чего она такая спокойная?! Никогда же не была. Сейчас кажется заторможенной. Странно-безразличной. Глаза по-рыбьи смотрят в одну точку, как бы сквозь него, хотя она повернулась к Мише — но ему казалось, она точно не с ним. Точно не в своей голове.

Что там только творится...

— Да. — Наконец сказала она.

— За такие деньги можно было найти место и получше, — проворчал он. — Или скатались бы в деревню к моим. Разница-то.

И он продолжил рассуждать вслух. Например — ну если уж так приспичило упорхнуть из дома — надо было взять тур в Египет, или уехать в Турцию, или добавить денег и отправиться в Тай, или в Европу... куда угодно, где есть море, где пляж и коктейли с зонтиками, как в кино, где нормальный пятизвёздочный отель.

Соня слушала молча. Она начинала прозревать и понимать. Миша был из тех, кого звали крепкими середнячками. Такие сидят в офисах всю жизнь, зарабатывают немногим больше сотни в месяц, убеждают себя, что занимаются важным делом и кормят семью — чтоб не так обидно было постоянно торчать в этих рыбьих аквариумах.

Они носят костюмы под пальто или короткие куртки, шутки шутят сухие и плоские, как картонное рыбное филе в их отвратительной дорогой столовой, и постоянно звонят в обед

жёнам, не потому что хочется, а потому что нужно. Иногда они едут куда-то в отпуск — к их сожалению, этот чёртов отпускной атавизм ещё нежно сохраняется руководством, а ведь могли бы нахрен исключить и вычеркнуть, чтобы работалось от звонка до звонка триста шестьдесят пять мать их дней в году. Тогда они собираются к морю, туда, где «всё включено», где пятизвёздочные отели, где шум прибоя, загар, холодное тёмное пиво в баре или коктейль «Секс на пляже».

Но никто, ни один из его коллег в офисе не поехал бы сломя голову за сошедшей с ума женой, которой приспичило изжариться под палящим американским солнцем в глуши под названием Сера.

Водитель высадил их близ отеля.

— Как-то здесь безлюдно, — сказала Соня и наконец немного встревожилась.

Миша даже воспрял духом. Отлично! У неё на лице появилось осознание, в какое дерьмо она попала!

— Просто утро раннее, — успокоил полный немолодой водитель в рубашке с отпотинами под мышками, вытаскивая их чемоданы из багажника. — Кто на работе, кто уехал с рейсовым автобусом и вернётся к вечеру. Но вообще — не сомневайтесь, местные живут туризмом. С удовольствием вас везде проведут и всё покажут.

Он посмотрел на небо, прищурившись. Судя по коричнево-кирпичному загару и глубоким морщинам, он был и сам

местным.

— А вообще, готовьтесь, что завтра просидите весь день в номере, — не обнадёжил он. — Обещали целый день дождь. Но он тут так, налётом.

Когда такси уехало, оставив парочку у дверей отеля — щербатых от времени, с широкими откосами и простыми, но тяжёлыми длинными бронзовыми ручками — Миша раздражился:

— Прекрасно! Завтрашний день уже коту под хвост.

— Не ной, — коротко бросила Соня и шагнула под навес.

Оба чертовски устали с дороги, но Соня мужу не признавалась и на его ворчание только молчала. Девушка за стойкой — она была моложе них обоих, на бейджике — имя: Мария — быстро нашла их имена в базе данных в простеньком старом компьютере. Пощёлкав мышкой

маникюр наверняка делала либо сама, либо у подруг, которые тут вместо целого салона: алого цвета ногти такие длинные, что цокают о столешницу, едва её касаясь

она утвердительно кивнула:

— Мистер и миссис Володарские? Вижу бронь. В вашем номере уже прибрались. Перед заселением нужно поставить подпись... вот здесь... и я выдам ключи.

Пока Соня размашисто расписывалась, она нырнула под

столешицу рукой, что-то там нашарила и вынула обычный ключ с кожаной коричневой биркой. Затем забрала у Сони загранпаспорта, визы, посмотрела в подставленный экран смартфона и проверила электронную подпись. Кивнув, начала забивать данные в компьютер, а потом за её спиной заработал большой чёрный принтер.

— Господи, ну и жара, — обронил Миша, налегая локтем на стойку рецепции, и окинул взглядом холл.

Маленький, обшитый панелями тёмного дерева, с большим белым бычьим черепом над входом, с раскладной табличкой-палаткой «Осторожно, мокрый пол!», с пёстрой ковровой дорожкой, очень дешёвой на вид и далеко не свежей — этот холл был ужасен. Там стояло два кресла, перетянутых бордовой тканью, и низенький стеклянный столик, на котором были разложены веером старые каталоги, журналы и путеводители — тоже не первой свежести, как и всё здесь, взять хотя бы номер «Космополитэн», уже справивший пятилетие.

Мише ужасно не понравилось всё — от грязных деревянных панелей по стенам до липких лент на потолке, на которых застыли, как изюм в меду, жирные чёрные мухи. Наверное, уже дохлые. Вентилятор над Мишиной головой туго прокручивал затхлый воздух.

Пахло жимолостью и сладковатой пылью.

— У меня, кажется, беспричинное беспокойство, — пожаловался он жене, но та даже бровью не повела, — можем

выйти на минутку?

— Сначала заберём паспорта, — сказала она и дождалась, когда неопрятная Мария за стойкой кончит своё дело. — И положим вещи.

Они с ней обменялись странными понимающими взглядами, и на миг Мише почудилось, что его заманили в ловушку. Он даже поёжился.

— Комната номер семнадцать, ваш номер — на втором этаже, — бегло сказала Мария.

Он едва это разобрал, хотя неплохо знал английский. Но сейчас торопливо кивнул, подхватил оба чемодана и понёс их вверх по дубовой лестнице: она была неуклюже воздвигнута прямо тут же, под ногами, и бросалась в глаза в паре шагов от рецепции.

Девушка потеряла всякий интерес к новым жильцам и опустила голову: лицо озарил тусклый электронный свет смартфона, и она погрузилась в мир куда более привлекательный, чем реальный. Миша вздохнул и потащил чемоданы дальше.

Комната оказалась так себе. Стены выкрашены бежевой краской, но чище она от этого не стала. Полы также застелены коврами. На одной стене висел большой портрет старого индейца в профиль — такие обычно любят изображать на рекламах чего угодно, от подкопчённых колбасок-гриль до табачных изделий. Индеец, само собой, был в роскошной короне из перьев, спускающейся ему за плечи.

Напротив индейца была большая кровать. То, что она местами оказалась продавлена, видно невооружённым глазом — ну и пусть. Миша посмотрел на опрятный шерстяной плед и подумал, к чему он тут в такую жару. Он ещё не знал, что в Сере ночью чертовски холодно, так же, как днём — адски душно.

Ещё в комнате был большой деревянный тёмный шкаф, раскрывающийся настежь. Соня заглянула туда первым делом, резко открыв обе дверки, будто там кто-то прятался. В шкафу кроме пяти вешалок не висело на штанге ничего, и на полках было тоже совсем пусто. В углу стояло большое полированное зеркало, удивительно чистое для такого гадючника. Такой же треклятый коричневый вентилятор, как и в холле, проворачивал воздух, стоило Соне щёлкнуть выключателем на стене. Пока Миша заглянул в маленькую ванную комнату, любуясь далёким от солидного ремонта простеньким душем и чистым унитазом, Соня удовлетворённо кивнула.

Словно всё, что видела, её не просто устраивало. Нет. Она была в восторге.

— Бога ради, — Миша вышел из комнаты и оперся о подоконник локтем, выглядывая в небольшое окно. Он не верил, что оказался здесь добровольно. — Где мы вообще остановились?! Что мы будем здесь делать?!

Соня всё ещё молчала. Эти вопросы были очень лишними: она не собиралась на них отвечать, во всяком случае, по-

ка. Для ответов нужно время, а пока она планировала разобрать вещи, заполнить ими шкаф, умыться или вообще принять душ после пятнадцатичасового перелёта.

Миша сопел как бык и негодовал всё сильнее. Ему здесь было чем заняться. Он вытащил из чемодана большой серебристый ноутбук и захотел его зарядить. Переходник он, конечно, не взял, и ругаться начал только сильнее. Соня, глядя на то, как он корячится над розеткой, ухмыльнулась и словно впервые внимательно посмотрела Мише в лицо.

С момента как они поженились, он очень изменился. Прежде ей казалось, что он был совсем другой. Занимался академической греблей и любил воду. Он был улыбчивым, пусть и строил из себя взрослого, хотел казаться старше своих лет, хотя сам — сопля соплёй, не понимал ни черта в этом мире и не собирался ничего понимать. Теперь Соня думала, что это не зависит от Мишиного возраста, и что она в нём ошибалась с первого же дня. Он живёт с необъяснимым ощущением, что в этом мире всё подвластно его странной мелочной логике, что он спокойно может объяснить всё происходящее, что бы там ни творилось, и что у него всё прямо и ровно, как грёбанные рельсы. Без вариантов.

Соня так не считала. Но она вышла замуж за этого человека, и ничего изменить было нельзя. Притом она помнила, почему разумно ответила «да» на его вопрос, выйдет ли она за него, Михаила Володарского.

Она пошла с ним в местный загс за его солидно-спокой-

ную улыбку, за

надменно-ласковое «Ну Сонечка...», когда он тянул это чуть гнусавя, чтобы придать голосу весомости. За отсутствие одиночества, за чувство плеча. А теперь, в Серу, в пятнадцать часов полёта от дома, она поняла, как её всё это достало, и буркнула:

— Лови.

Она кинула ему переходник. Миша среагировал поздно — как всегда — и тот стукнулся в грудь, а не упал в руки. Тогда Миша громко заканючил, совсем как дитя — неужели нельзя просто взять и подойти, ты же знаешь, как я терпеть не люблю, когда ты кидаешься...

Соня закатила глаза. Всё, что она могла сделать — порывшись у себя в багаже, взять свежее бельё, гель для душа, зубную щётку и сменную одежду. Под нытьё мужа она ушла в ванную комнату и хлопнула за собой дверь. Миша ворчать не перестал.

Посмотрев в зеркало в широкой коричневой раме — сама поверхность зеркала была очень небольшой — Соня вздохнула и растрепала рукой волосы, отведя тёмные пряди от макушки к вискам. Затем застыла. Очень заметно в гуще тёмных волос белел седой волос.

И ещё один. Она цокнула языком и ухватила за него. Мерзавец!

Дёрг!

Волос оказался жёстче и плотнее остальных, и надломил-

ся в пальцах. Соня даже опомниться не успела. Она поднесла его к глазам

дьявол, это уже не первый седой волос!

и смыла в водосток, как что-то постыдное. Как след преступления. Как собственную смазку с рук в юности, когда очень возбуждена и мастурбируешь.

Она не думая расплела косу, которую заплела ещё в самолёте. Затем сняла джинсы, трусы и носки. Сняла футболку и растянула лифчик, освободив груди и посмотрев на себя в грязное зеркало так, словно видела впервые за много, много лет.

Как давно они были менее полными и большими? Сколько лет назад ей нужны были особые чашечки-обманки с поролоновыми или силиконовыми вставками? Она хорошо помнила, как приходила в магазин белья, кончиками пальцев касаясь красивых кружевных бюстгалтеров, понимая, что эти фейские наряды для её плоской груди слишком велики? Она задумалась и попыталась вспомнить, училась ли тогда в университете. Ну да. Ей было девятнадцать, и в тот год всё изменилось, потому что в её жизни появился мужчина — особый мужчина, с которым она очень похорошела.

На какое-то время.

Она включила воду в душе и шагнула под струю из лейки, оmyвая водой тело. Та словно обняла её за плечи, и Соня вздрогнула, потому что прикосновения напоминали его длинные пальцы.

Она вспомнила тот вечер. В гостиной громко играл телевизор: родители смотрели вечерние новости. Соне было четыре месяца как девятнадцать лет. За окном — промозглая сырость, она отогревалась в душе, потому что вымокла под дождём. Сестра только что вернулась с работы и жаловалась, что в спальне Соня опять зачем-то открыла настежь окно, и там теперь холодно, как в морозильной камере. Голоса заглушал тугой поток воды. И когда Соня откинула назад голову, затылок лёг на чью-то грудь — хотя она хорошо знала, на чью именно, но даже помыслить об этом боялась — и ощутила что-то тяжёлое и литое, скользнувшее у неё между ног.

От воспоминаний стало жарче прежнего, и она сполоснула волосы, а затем, чтобы отвлечься от мыслей, невозмутимо выдавила на ладонь немного геля для душа и начала наносить на тело. Но одного только вида хватило ненадолго. Она снова вернулась к тем же мыслям.

Она что, приехала сюда ворошить воспоминания, которые прятала в далёкую шкатулку памяти? Нет. Она приехала к нему, вот зачем. Чтобы найти его.

Вопрос жизни и смерти. Она не соврала Мише, когда сказала вот прямо так.

Соня умыла лицо водой, громко барабанившей по поддону. Сначала показалось, что вода стала слишком холодная. Затем котёл, который её нагревал, снова приступил к работе, и купаться стало приятнее. Соня сделалась вся глянцевая и блестящая, со стекающей по коже прозрачной водной

плёнкой. Воспоминания откликнулись в её теле жаркой истомой. Она была напряжена, она не хотела сейчас быть одной. И только подумав, что могла бы пригласить к себе мужа, тут же отвергла эту мысль.

Пусть он и приехал с ней, но всё равно это было как будто понарошку. Соне казалось, что он остался там, в России — за спиной, со своей работой, с дурацким офисом, пленник двушки на восьмом этаже в шестидесяти квадратных метрах с видом на новостройки. Она снова умыла лицо и поняла, что это никуда не делось, а потянулось за ней чёртовым призраком даже в Серу.

Хотя она видела призраков страшнее в своей жизни, но этот почему-то пугал сильнее всех.

Она тонко вздохнула и, намыливая живот, остановила руку, вдруг спросив себя. Как давно у неё с мужем не было близости?

Она прищурилась и постаралась вспомнить. В последний раз это было около месяца назад на выходных, в ночь с субботы на воскресенье. Он тогда ещё сказал:

— Я хочу тебя. Сделаем это?

И она вздохнула так тихо, словно старалась подавить этот долбанный вздох, потому что... Потому что чего хотела бы по-настоящему — прикосновения нужных, правильных рук. Чужого хрупкого присутствия. Она легла в постель рядом с мужем, наперёд зная, как всё пройдёт. Сначала он всегда хочет ртом, и порой ей казалось, что она уже прекрасно

изучила его пенис, но совсем плохо помнила лицо. По крайней мере, не так хорошо, как раньше. Потом он приступал к делу и начинал что-то шептать ей на ухо, и говорить, и даже пытался неуклюже шутить.

Миша постоянно болтал, когда ей хотелось тишины.

Досадливо кривясь, именно сейчас она ощутила, как под лобком наливается сладкая приятная истома, будто лежишь на пляже и млеешь под горячим солнцем, и вот такая, разморённая, ощущаешь кожей предчувствие яркой судороги в бёдрах, недостаточной для оргазма, но такой же сладкой и тянущейся из живота. Давно этого с ней не было.

Шум воды в душевой кабинке стал словно бы громче.

— Пшшшш, — пела она, ударяясь о кафельную плитку и поддон. Прикрыв глаза, Соня чутко прислушалась.

Омывая тело приятным потоком, вода шипела и шелестела, исчезая в водостоке с приглушённым рокотом, и вдруг зашептала в несколько голосов, сливаясь в единый белый шум. В абсолютной тишине душевой кабинки он стал главным звуком, проникшим под кости черепа, под кожу, в кровь. Белый шум и бессвязное шипение, пустота эфира — и нарастающий звон. Соня оцепенела.

— Соня... сон... сон... Сон... Соня... с-с-сон...

Ей почудилось, там, из слива, где исчезала маленьким водоворотом вода, кто-то шептал её имя. А потом что-то упало тенью за спиной и мелькнуло прямо здесь, в этой комнате.

Стремительно обернувшись, Соня бегло рассмотрела

каждый уголок крохотной ванной и даже вздохнула, поняв, что здесь она по-прежнему была одна. Только белое полотенце на крючке чуть качалось, словно тронутое чьей-то рукой.

Глава вторая. Коридор в прошлое

— Я всё уладила, — сказала Соня за ужином и подвинула к Мише глиняное расписное блюдо с острыми куриными крылышками.

Всё было перчёным, приправленным, таким, что запах и вкус мяса не чувствовался — только острый перец и ещё что-то вроде сладковатой паприки. Миша поморщился и вынул изо рта маленькую тонкую косточку.

Куриный хрящик.

Почему-то в голову холодно вползла мысль о тонких детских косточках.

— Что именно?

— У нас встреча завтра вечером, — она сделала загадочное лицо и ухмыльнулась, очень довольная собой. — Я писала два месяца сюда, ты думаешь, впустую? Нет уж, дудки.

Он пожал плечами.

— Ты бы сказала, в чём дело, я бы тоже порадовался. Наверное.

— Вряд ли, — кажется, она не замечала, что курица перчёна так, что её буквально больно держать во рту?! — У тебя атрофировалось чувство радости за меня ещё очень давно.

— С каких это пор? — буркнул Миша.

Это было обидно. Чёрт, и к столу совсем не подали ника-

ких напитков! Воды стакан — и то было бы хорошо. Миша с досадой осмотрелся.

— Водой острое запивать бесполезно, — объявила Соня, словно мысли читать умела. Миша нахмурился.

Да что за...

— Перец заливают молоком, так что закажи хотя бы кофе. Если уж тебе так жжёт.

— А тебе, хочешь сказать, нет?

Она хмыкнула, но промолчала, и Миша с ненавистьюковырнул сладкий картофель у себя в тарелке.

Он не понимал, почему его обычно спокойная весёлая жена ведёт себя как вылитая самодовольная стерва, отмалчивается или язвит. Он мрачно поднял на Соню глаза. В лёгком цветастом платье на бретельках она сидела у окна, кутаясь в шерстяную рубашку, и крутила в пальцах цепочку с пером. Словно только что заметив это, Миша нахмурился и кивнул:

— Что это у тебя?

— А? — Соня рассеянно вскинула брови.

— Говорю, что это такое?

Она пожала плечами и убрала под рубашку перо.

— Да так, — бросила она. — Подарок.

— Правда? Чей? — Мише было трудно в этом признатьсся, но его охватило раздражение. Кто-то дарит его жене дурацкие дешёвые цацки. Какая разница, казалось бы, но...

От кого это?

— Он у меня уже давно, — будто оправдываясь, сказала

Соня и положила ногу на ногу.

Миша прищурился. Если решила объясниться, возможно, чувствует себя виноватой? Он протянул:

— Никогда его прежде у тебя не видел. Можно посмотреть?

— Нет. — Она прямо взглянула на него. В глазах у неё появился опасный блеск.

Он предсказывал в доме сильные шторма. С него начинались все большие ссоры у Володарских. Кажется, Миша нажал ей на больную мозоль, сам того не зная. Или ступил на территорию, куда ему ходу не было.

— Странно. — Только и сказал он.

Она сняла зубами с вилки курицу, прожевала и проглотила, даже не поперхнувшись. У Миши горели рот и мозг. Черепная коробка пылала. Он мог бы сейчас осушить целую речку, вот только ни одной достойной в этой пыльной местности не водилось. Вдруг он услышал, что Соня хмыкнула себе в тарелку, задумчиво подперев висок рукой.

— А что такого смешного?

— Я его ношу уже одиннадцатый год, — и она неприятно улыбнулась, подняв на мужа глаза. Он никогда не видел, чтобы она так улыбалась. — Хотя, что я от тебя жду? Ты не видишь ничего дальше своего компьютера. Из офиса, кстати, не звонили целых два часа. Это победа, Миш. Тебе надо срочно с ними связаться, мало ли что.

Миша с ненавистью ковырнул сладкий картофель у себя

в тарелке.

— При чём здесь снова работа?

Она перевернула вилку вверх зубцами и постучала ею по столешнице.

— При всём. Возможно, задумайся ты об этом раньше, прозрел бы насчёт... многих вещей.

— Например, каких?

Она вздохнула и обвела взглядом потолок.

— Да всяких. Или хочешь сказать, в последнее время всё было хорошо?

— Я думал... — Миша растерялся. Он правда считал, что в его семейной жизни всё о'кей. Соня покачала головой и промолчала.

Они ужинали в местном баре, где кроме выпивки 2,17 доллара за Туборг, ну куда это годится!

предлагали ланчи и ужины. Вообще, местечко было симпатичное даже по мнению очень недовольного Миши. Оленьи и бычьи рога украшали стены. Между ними были развешены картины с вестерн-тематикой в простых широких деревянных рамах. На крючке висела чья-то шляпа. Глупо полагать, что её повесили ради смеха, так что это, скорее всего, тоже часть интерьера.

Большие кожаные кресла и уютные диваны обступали столы.

Кроме меню, Мишу здесь устраивало всё — даже вид из окон на парковку и ночную равнину. Даже публика, хотя она

была очень разная: мужчины разной степени трезвости в баре, пожилая пара за соседним столом — эти тоже ужинали и были не слишком довольны едой. Хотя, кто знает, может это их постоянное выражение лиц.

Наконец, к Соне с Мишей подошла официантка и предложил аперитив — можно было выбрать безалкогольный или алкогольный напиток. Соня предпочла апельсиновый сок, Мишин выбор пал на вермут. Скривившись, его жена едва слышно шепнула, шевельнув пухлыми губами, сухими от жары, не спавшей даже вечером:

— Не пей, пожалуйста.

Но Мише было надо, правда надо: дома он даже не пригубил бы, а здесь был не дома, и согласно этой железной логике имел право. Подумаешь, вермут! Он трясся пятнадцать часов и слушал Сонино молчание, пусть это будет платой за всё дерьмо, которое с ним случилось здесь. И дома тоже. Дома...

Он поморщился и не стал вспоминать.

В стакане для виски ему принесли креплёное вино. До ноздрей донёсся горький запах полыни. Вдобавок с этим с подноса сняли лимонный сок. Миша сделал маленький глоток и удовлетворённо кивнул: один к двум разбавлен тоником, верная пропорция. Хороший вермут. Горло и рот обожгло, но уже приятно, не огнём, а теплом, спустившимся по глотке ниже в желудок. Он откашлялся, оставил стакан в сторону и хлопнул в ладоши, потеряв их:

— Ну... так ты сказала, с кем-то договоришься. Интерес-

но, по поводу чего? — и отпил ещё.

— По поводу встречи, — прохладно сказала Соня и процедила через плотно сомкнутые челюсти свой сок.

Она чувствовала себя синим китом, у которого вместо зубов — настоящая щётка, китовый ус, и он цедит, цедит сквозь него криль и планктон, этакая туша, парящая в бесконечных глубинах океана.

— Господи, неужели нельзя сразу всё выложить? Обязательно клещами тянуть? — протянул Миша и отпил глоток.

С каждым таким глотком он становился всё увереннее в себе. Полёт и жара его вымотали, он пьянел быстрее обычного.

— Его зовут Аарон Крапчатое Крыло, — сказала Соня и отставила стакан, стукнув им по столешнице. — Тебе это о чём-нибудь говорит?

Мужчина, вот о чём говорит. И имя у него странное. Господи, неужели индеец?

Миша поморщился и залпом допил весь вермут, иначе рассмеялся бы.

— Крапчатое Крыло, — невозмутимо повторил он и ухмыльнулся. Рот раздвинулся в широкой улыбке. — Не-а.

— Что я и твержу.

Она взялась за вилку. Муж напротив в своей любимой как она ненавидела её!

клетчатой рубашке взял из маленькой глиняной миски, расписанной оранжевым и синим, горсть солёного арахиса.

Когда мимо прошла официантка, с акцентом попросил повторить аперитив.

За окном тем временем пошёл дождь, как и предсказывал утром таксист. Хотя нет, не просто жалкий накрапывающий дождь: целый ливень! Миша развалился на стуле с вермутом и, посмеиваясь, смотрел на жену, бледную как никогда.

— А мне тут тоже дадут какое-нибудь дурацкое имя?

— Не смешно.

— Ты что, очень смешно! Обрядимся в перья, покурим трубки мира, что там ещё ты хотела...

— Да что ты обо мне знаешь, — сказала вдруг она со странной досадой.

Он только хмыкнул:

— Всё.

Она вскинула брови:

— Вот как?

— Именно, — кивнул он и скучающе поболтал остатки вермута в стакане, даже не глядя на Соню. — У тебя тридцать седьмой размер ноги, ты любишь горячий кофе и терпеть не можешь, когда на столе накрошено, а ещё бываешь форменной психичкой.

Усмехнувшись, он отпил свой алкоголь. Соня кивнула:

— Продолжай.

Глаза были холодными и зелёными, как кислый дачный крыжовник, но его понесло. Вермут, перелёт, десять лет брака и, кажется, катастрофа на работе с опозданием в пятна-

дцать часов доконали его, и он правда продолжил, чувствуя странную слабость в пальцах рук:

— Ты коллекционируешь свечи и никогда их не жжёшь. Меня это, честно говоря, бесит. Год назад отошала, как дворовая кошка, но к врачу не идёшь, что ты, это выше тебя, Софья Владимировна. Ну или ты просто боишься, что он тебе скажет что-нибудь неприятное. Ты не пьёшь алкоголь. В том месяце ты потратила на новую посуду восемь тысяч, ума не приложу, нахрена — готовишь ты так себе. У тебя на лобке родинка, и ты царапаешься, когда кончаешь: один Бог знает, зачем. Это вообще-то неприятно.

— Я в такие моменты о тебе не особенно думаю, — холодно сказала она.

— Ты ни в какие моменты обо мне не думаешь.

В голосе засквозила обида. Он вообще-то редко пил и напивался, Соня могла по пальцам одной руки посчитать, сколько было раз, когда от него могло пахнуть алкоголем — притом он был стеклянно трезв. А вот сейчас пьянел.

Этот взгляд — ухмыляющийся и задорный, когда тринтрава всё вокруг и гори оно синим пламенем, хотя наутро впору молить о пощаде — Соне был незнаком.

— Мне иногда кажется, что ты меня больше не любишь. Я говорю: на работе аврал, но ты — нет! Не слушаешь. Ты никогда меня не слушаешь. Не идёшь мне навстречу. Помнишь все совещания? Как ты их называла?

— Бездарная трата времени, — Соня сложила на груди

руки.

— Вот-вот. А я когда-нибудь так относился к твоей... — он поморщился. — ...работе?

— Всегда, — пожала она плечами. — Да-да. Что, не ты один такой непонятый? У меня к тебе тоже есть претензии. Хотя это всё такая мелочь. Чхать я хотела на эту работу с высокой колокольни, Миш; не это меня сейчас волнует, и не твои офисные перипетии. У меня и без того проблем хватает, ты ещё...

Она чуть не брякнула: свалился мне на голову, но у Мишки был и без того жалкий вид, так что она вовремя прикусила язык.

— Что? — переспросил он мрачно. — Ты ещё — что? Договаривай. Какие у тебя могут быть проблемы, м? Вот я приеду с незаплари...

Короткий вздох. Он же не мог перебрать так быстро, с двух стаканов вермута?

— С незапланированного отпуска. Тогда да. Ты меня дома вообще недели две не увидишь.

— Как будто что-то изменится, — заметила она и снова с тихим стуком перебрала ногтями по столешнице.

— Значит, мои проблемы тебя не касаются? — он спросил с вызовом и откинулся на стуле. — Ладно. Тогда валяй, расскажи о своих. М? Что у тебя стряслось такого, что ты как в задницу ужаленная полетела аж в Штаты?

— Призраки прошлого, — туманно ответила Соня и от-

вела глаза.

Муж хохотнул и стукнул пустым стаканом по столу. Соня даже не вздрогнула, а вот пожилая пара на них обернулась.

— Призраки прошлого?! Ты так прикалываешься? Сонь, какие призраки, если у тебя до меня нет никакого прошлого. Ну то есть...

Он запнулся. Думал, бежит к любовнику? Думал, на всех парах хочет выдернуть себя за косичку, как барон Мюнхгаузен, из брачного болота? Держи карман шире, жена просто поехала умом. Призраки прошлого. Да что там было-то, в этом прошлом? Он её знал как облупленную и снисходительно сказал:

— Давай, расскажи мне всё, ну же. Муж и жена — одна Сатана. И в горе, и в ра...

— Прекрати, не заканчивай, — скривилась Соня, — в нашем случае всё слишком однобоко, и мы пребываем только в твоём горе, печали и унынии.

Она взяла салфетку в руки, принялась перебирать её. Хотелось смять и разорвать на тонкие полупрозрачные лоскуты, а затем резко встать, шаркнув ножками стула по дощатому полу, и выйти вон отсюда, навстречу завтрашнему дню и той встрече, которую она ждала так долго.

Но за окном лил дождь. Он стучал и бился в окна, пытался ворваться внутрь. Дождевые потоки стекали по стёклам. Снаружи было так погано, что она бы не стала выходить туда ни по одной из причин.

В конце концов, кто здесь им помешает? В родном городе, в нормальной жизни, оставшейся позади, у них не было времени и желания обмолвиться даже словом по поводу всего творящегося дерьма, и там Миша не хотел слушать. А вот здесь сам просил об этом. Так что кто её остановит? Старички, решившие насладиться ужином? Официантка? Бармен, небрежно протирающий пыльной тряпкой стаканы?

Кто?

Соня опустила глаза и небрежно сказала:

— Я могу всё рассказать, но для этого тебе надо будет вспомнить, что случилось одиннадцать лет назад.

Она замолчала. За столом воцарилась пауза. В воздухе продолжала играть тихая лёгкая кантри-музыка, до них доносилось металлическое звяканье вилок и ножей о тарелки. Миша несколько раз непонимающе моргнул.

— Один... — начал он и запнулся. — Сонь, ты сдурела? Давай ещё Меловой период вспомним.

— Если надо будет.

Она смяла салфетку в кулаке. Смелости пришлось набраться, потому что снова воскрешать всё это в памяти было не по себе. И потому что небо рыдало навзрыд, и было страшно до мурашек, и не хотелось снова погружаться во всё, что произошло, хотя она знала: это неизбежно. Соня так и не смогла признаться себе, чего боялась больше: правды? Или того, что она принимала много лет за правду?

— Если ты помнишь, я с прошлого марта очень плохо спа-

ла, — медленно начала она.

Миша недоумевающе вскинул брови.

— И?

Она закатила глаза.

— Что — и? — Соня раздражённо взяла из стеклянного стакана хлебную палочку и сломала её пополам, избегая смотреть на мужа. — Я плохо спала, потому мне прописали нитразепам. Потом я перешла на золпидем. Мидазолам был похуже всего этого... к тому же, к таблеткам быстро привыкаешь и они теряют свою эффективность. А спать без них я не могла — опасно.

— В каком смысле — опасно? — не понял Миша и подался грудью вперёд, на стол. — Ты лунатничала или что?

— Скорее, ходила во сне, — уклончиво ответила Соня и на миг замолчала, чтобы продолжить. Тихим, переменившимся, почти чужим голосом. — Но только в те места, где живым быть не положено.

Глава третья. Красный мир

Не помню точно, когда всё это снова началось. Но помню, что почти все эти годы в кошмарах я никогда не была одна. Представь, каково это — день за днём жить в страхе перед тем, что тебя ожидает, едва сомкнёшь глаза? Там новый непонятный мир, устроенный по своим правилам. И поверь. Всё, что ты о нём слышал и предполагал, всё, что тебе о нём говорили, было только тысячной процента от правды.

Я проснулась с тяжёлым, кислым привкусом на языке, в своей старой комнате, в квартире родителей, на низенькой кровати, некогда переделанной мной же в оную из старенького поднадоевшего дивана, обшитого тканью в цветочек. У нас в доме было не туго с деньгами, но их хватало только на нужные вещи. Сам знаешь, в такое время обычно не до кроватей.

Стояла глубокая тихая ночь. Такая, что мрак поглотил и стены, и пол, и потолок, и превратил всю комнату в сплошной чёрный кокон, а меня в нём — в куколку. В неродившуюся бабочку в ловушке паука.

Сколько я ни смотрела широко раскрытыми глазами по сторонам, столько не могла привыкнуть к темноте. Но даже не видя страшных вещей, я знала, что они здесь были — те, что пугали меня всё детство: мрачные углы комнаты с возвы-

шающимися книжными шкафами по обе стороны огромного сталинского окна. Длинное зеркало у входа на стене, в отражении которого виден коридор и оборванный кусок входной двери. Похожее на портал в другой мир чёрное окно, в которое смотрели тучи, не освещаемые бледной луной.

Повсюду был мрак, и только в одном месте на стене кое-как различались светлые кляксы. Я упорно игнорировала их, старалась не смотреть, отворачивалась — но всё равно глаза туда и косились, потому что все мы рано или поздно, но смотрим туда, где страшно.

И в конечном счёте, боясь даже пошевелиться в густом вакууме душной спальни, я повозилась под одеялом и посмотрела прямо туда — на высоко подвешенную коричневую полку. Туда родители помещали всё красивое, но никому не нужное. На ней стояли небольшие серебряные часы, подарок родственницы из Томска; деревянная статуэтка слона, поднявшего хобот вверх — его кто-то привёз из Таиланда; и, конечно, там же в ряд сидели куклы. Номинально — мои, потому что я в семье была младшей и мне они перешли «по наследству», хотя мне вот ни к чёрту такое наследство не сдалось. А по факту это были куклы матери и старшей сестры.

С игрушками в доме было всё в порядке, с детства я в них не знала нужды. Любила играть с лошадками, плюшевыми зверьми, пластиковой и ну-прямо-как-настоящей-едой. Но вот кукол по неясным причинам не то что терпеть не мог-

ла... Дико боялась с самого детства! Только когда выросла, узнала, как это называется по-научному — педифобия. Читала, что прежде люди боялись кукол, потому что те были совершенно как живые люди, как настоящие дети. Они говорили, могли двигаться с помощью механики. Говорящие куклы есть и сейчас, да что там — теперь можно купить себе не просто игрушку, «мамкающую» каждый раз, как её опрокидывают навзничь, а такую, чтоб отвечала почти осмысленно.

Я могла бы написать целую диссертацию о том, почему куклы такие жуткие, и тогда тоже не могла смотреть в их мёртвые лица, пугающе застывшие в темноте, которая, словно нарочно, рассеивалась вокруг них. Стекланные глаза холодно сверлили стену у меня над головой и казались удивительно живыми. И я подумала: а ну как сейчас они повернут нарисованные зрачки прямо на меня? Что будет дальше? Я инстинктивно поджала ноги ближе к груди и огляделась, стараясь делать это быстро — и не выпускать из поля зрения трёх кукол в нарядных платьицах, сидящих на полке. Почему-то тогда мне почудилось, что отворачиваться от них нельзя, ведь это кошмар — мой кошмар — и всё здесь работает не так, как принято в обычной жизни.

Я мельком посмотрела в окно, удивившись тому, как быстро сменился вид за стеклом. Там, в его мутных разводах, за двойными деревянными рамами застыло густое и вязкое, словно желе, красное небо, в мареве которого болезненным

нарывом светилась тускло-багровая большая луна, полная, похожая на глаз с воспалёнными нервами, вынутый из глазницы. Из коридора послышался шорох. Я быстро повернулась туда и с беспокойством увидела блуждающий по потолку и полу красный свет, бросающий на стены неверные тени. Они были похожи на призрачные подводные блики от солнца, как если бы оно осветило сквозь призму воды дно.

Как глубоко я погрузилась в кошмар?

Прошла гнетущая минута. Затем другая. Мне показалось, что время замедлилось, и даже красные тени перестали шевелиться. Только моё сердце издевательски громко трепетало в вязкой тишине, оповещая всё, что было здесь кроме меня: рядом с вами — живой человек. Это было предчувствие затаившейся беды. Уверена, я хорошо знаю, каково бывает оленям, на которых охотится стая волков. Они наверняка точно так же шкурой ощущают безжалостные, голодные взгляды на себе прежде, чем их нагонят и разорвут на части. Несколько мгновений неминуемого ужаса — а потом смирение с самым страшным, что только возможно увидеть.

Я повернулась к полке и застыла, чувствуя, как страх липкой жижей пробирается по позвоночнику и прокатывается по всему телу волнами, становясь всё сильнее. Я глазам своим не верила!

Кукольные фарфоровые и целлулоидные лица теперь были повёрнуты прямо к моей кровати. Они пристально смотрели на меня, не меняя выражений на неживых лицах. Никто

и ничто не могло меня спрятать от этих взглядов, и здесь, под одеялом, я была в самом центре комнаты — заметная со всех сторон.

Голубые неподвижные глаза недобро смотрели прямо мне в лицо. Конечности охватили холод и оцепенение, и я насилу, почти превозмогая себя, сжала в кулаках одеяло, комкая его.

Внезапно кто-то тихо заворочался в стенном шкафу, отчего я испуганно перевела на него взгляд. Кто мог туда забраться, я не пыталась вообразить — всё бесполезно, если ты здесь, в своём сне, и хорошо знаешь это. В зеркальной темной поверхности отразилось, как дверца медленно и абсолютно бесшумно открылась, и оттуда, помедлив секунды две, что-то мягко выпало на линолеум. Небольшой предмет... тёмный бугорок размером с двухлетнего ребёнка, даже меньше.

Я невольно всмотрелась в это пристальнее. Мне вдруг почудилось, лишь на какую-то долю секунды... что это нечто внезапно пошевелилось, и тут же что-то сбоку, на периферии зрения, мелькнуло широкой тёмной полосой. Я резко перевела взгляд на полку и оцепенела, покрывшись мурашками.

Помню как сейчас липкий ужас, от которого меня охватила паника:

— Проклятье...

Волосы на затылке зашевелились, когда я увидела, что на полке кукол осталось только две.

Но куда делась третья? Где она?

Я быстро обвела комнату взглядом. Тьма была густой и непроглядной, но всё же разглядеть куклу на комодe мне удалось. Она сидела там, сложив капризным бантиком розовые губки, и пугающе безразлично глядела на меня, склонив шарнирную голову набок. Ручки, прежде опущенные вдоль мягкого туловища, теперь были ровными белыми фарфоровыми линиями протянуты ко мне.

Я была здесь одна — в своей комнате и в своём кошмаре — и знала, что не могу позвать на помощь, потому что меня никто не услышит. Тьма вокруг казалась живой и опасной. Она тоже была ещё одним участником этого сна, и наблюдала за мной, делая своей пленницей и заставляя задумываться: что ещё жуткого ждёт там, в трёх шагах от тебя, за поворотом комнаты? Вдруг скрип старой половицы, застланной потёртым временем линолеумом, заставил меня резко взглянуть вниз, и я невольно вжалась спиной в стену и приподнялась на кровати, стараясь отодвинуться всё дальше от края.

Тот таинственный предмет, выпавший из шкафа, стал внезапно различим в темноте и оказался хорошо знакомым мне треклятым пупсом. Игрушечным лысым младенцем, старой игрушкой моей мамы, которая так давно, двадцатидвухлетней наивной дурочкой, купила этакую образину своему первенцу... то есть, по счастью, не мне.

Когда-то он стоил очень дорого, и мама рассказывала, что принесла его домой в красивой картонной коробке, перевя-

занной голубой ленточкой. В то время, пускай Советы шли к своему распаду, люди всё ещё жили, доставая редкие, заграничные, дорогие вещи, вот и она достала его. В коробке к пупсу шли соска, бутылочка и чепчик — совсем как для настоящего малыша, а также пинетки и два комплекта одежды: «на выход» и для сна. Со временем бесценные сокровища кукольного прошлого были утеряны и розданы маленькой хозяйкой по подружкам — а пупс остался. Одетый в мой старый вязаный детский комбинезончик, он прямо сейчас был передо мной: вытянулся на полу из чёрной кляксы — в человечка, положившего резиновые ручки на линолеум. Со стороны он казался солдатом, доблестно ползущим под колючей проволокой.

В самом уголке левого глаза снова что-то снова мелькнуло, и я быстро посмотрела туда.

Он всегда велел мне смотреть туда, где страшно, и это было правильно. Иногда это может спасти тебе жизнь, особенно если спишь и не можешь проснуться.

Это была снова полка с куклами. Две из них по-прежнему смирно сидели на полке, но третья... третья была уже на краю комода, зазывно протягивая ко мне ладошки.

Ненавижу кукол!

Едва слышно, что-то стукнуло справа, и я обернулась на этот звук. В тишине только тикали серебряные часы, будто злобно посмеиваясь надо мной. Держать их всех в поле зрения — вот что было сложнее всего. И я поняла, что они

хотят именно этого: моего внимания. Взгляда в упор только на них. И стоило мне отвернуться от пупса, как он ломано дёрнул ручкой, подтягиваясь на ней вперёд, ближе к моей кровати, и замер на мягком животе, набитом ватой, притворяясь неживым.

— Тварь! Я тебя заметила! — громко сказала я, и голос пружинисто отпрянул от стен и заглох в стылом неживом воздухе. — Видела, как ты шевелишься!

Теперь я была уверена в том, что стоит мне отвернуться, как он опять...

Вдруг что-то заставило меня быстро посмотреть на вторую куклу: шестое чувство ли или что-то другое — в такие моменты очень многое зависит от твоей внимательности и везения. Мне подарили её ещё очень давно, на один из первых дней рождений в моей жизни. Она была одета в клетчатое бордовое платье-шотландку и шляпку, украсившую волнистые локоны цветами. Такие ещё кладут на могилы, искусственные и вечно юные бутоны. Я присмотрелась к её лицу внимательнее. Только ли кажется, или ухмылка впрямь стала неприятной?

И как она оказалась на постели? На моей постели? На самом её краю? Это был главный вопрос. Она не поменяла позы и спокойно смотрела на меня, уже ступив на мою территорию, и я поняла, что скоро, если позволю этому продолжиться, случится нечто страшное.

Но что?

Что может произойти, когда она до меня доберётся?

Это главный вопрос любого кошмара, любого потустороннего физического воплощения твоих ужасов. Ты не знаешь, что с тобой могут сделать, но именно это незнание внушает страх ещё больший.

Страх — вот всё, что им нужно. Это как пропускной контрольный билет в мир кошмарных грёз, таких же настоящих, как эта комната, где мы сидим сейчас, и имеющих последствия.

Я беспокойно посмотрела на куклу-младенца. Лица его, опущенного к полу, было не видно, но он не успел замереть, так что я заметила, как он быстро сучит ручками-ножками, барахтаясь мягким телом, прежде, чем притворился простой куклой. Он был уже у самого края моей постели, возле длинного одеяла, спускающегося тяжёлыми складками до пола. Тогда я, пристально глядя уже на фарфоровую куклу, быстро вылезла из-под него, сбросила с себя как крысу, и с отвращением сжала плечи. Что мне оставалось? Я старалась держать в поле зрения сразу обеих кукол. Вот только это было невозможно, одна то и дело ускользала, стоило внимательнее посмотреть на другую... в итоге, отвлекшись на куклу в платье, подкрадывающуюся ко мне ближе сантиметров на десять, я упустила из виду пупса.

Где он может быть? Забрался под кровать? Это было худшим из всех вариантов. Я обняла колени и сглотнула вязкую слюну, выжидая, что будет дальше. А потом, заметив движе-

ние справа, закричала.

Крик мой жалко погас в комнате, он был преисполнен ужаса, потому что младенец приоткрыл белёсые глаза покойника и, дружелюбно улыбаясь, посмотрел мне в лицо, наполняя брюхом на кровать.

Сердце от страха больно стиснуло, губами я схватила стеклянного воздуха, и он больно вспорол мне горло. Там, на собственной кровати, я смотрела на этих кукол, проклятие всего моего детства, а в висках пульсировала жалкая мысль: я так и знала, однажды они до меня доберутся. Я помнила, как часами не могла заснуть, наблюдая за ними и подмечая любое подозрительное движение, любой звук в ночной тишине. Я помнила, как дрожь охватывала всякий раз, стоило всмотреться в их лживые лица. Как, едва сдерживая холодный страх и омерзение, я брала их в руки и быстро складывала в большом шкафу — одну на другую — и подолгу наблюдала, слыша, как они шуршат и возятся там, вдали от моих глаз.

Я знала, почему их стоило бояться. Знала всегда.

Вдруг что-то заворчалось на полу, под складками одеяла. Зашуршало и замерло. Что-то в комнате изменилось, но в этот раз я поняла — не для меня одной. Очень медленно резиновый младенец медленно повернул голову к источнику звука, неожиданно яркому в сложившейся, как мозаика, тишине. А затем из-под кровати резко вскинулась чёрная мускулистая рука.

Пятерня в мгновение ока сгребла одеяло и уволокла его прямо под кровать — вместе с пупсом, запутавшимся в складках; оно же опрокинуло вторую куклу на спину, так что она осталась лежать вверх лицом на простыне. Из-под кровати слышались странные звуки, напоминавшие немую возню. Пару раз она даже подпрыгнула подо мной.

В комнате стало оглушительно тихо. Время замерло. Замерли и часы на полке, погружая комнату в душный, сонный морок, а потом из-под кровати вылез, отряхиваясь, он: большой, чёрный, с алыми треугольниками восьми пылающих глаз в дымчатой тьме лица под капюшоном.

— Ну и ну... — выдохнула я, утерев потный лоб. — Как же ты меня напугал. Говорила, никогда не прячься под...

Внезапно что-то маленькое и юркое метнулось ко мне, и я вспомнила: та кукла!

Меня спасло лишь то, что я успела взглянуть... взглянуть на неё, прямо в страшно искажившееся, чёрное лицо, на котором застыла жуткая гримаса, полная злобы. Кукла остановилась сантиметрах в двух от меня, задрав голову вверх и глядя мне в лицо с кровожадным блеском в голубых глазах. Дрожа от испуга и не смея даже моргнуть, я едва выдохнула:

— ...под кроватью.

Он тихонько хмыкнул и подошёл: я увидела по длинной, густой тени, лёгшей на куклу. Наверняка, сделал это своей обычной вальяжной походкой.

А затем, здорово размахнувшись, он хорошенько пнул

куклу ногой, обутой в чёрный высокий ботинок — да так, что та со скоростью футбольного мяча комично улетела во тьму коридора.

Я посмотрела своему спасителю в лицо и спросила:

— А пораньше нельзя было?..

Он развёл руками. Мол, извини, подруга, пришёл и пришёл, скажи хоть за это спасибо.

— Спасибо, — буркнула я. — Пора уже выбираться отсюда, верно?

Он кивнул — верно, значит — и всё так же молча взял меня на руки, прижав к груди. Там, где рваная ткань его накидки расходилась, тёмно-серая кожа была обжигающе холодной.

— Они больше меня не тронут? — я кивнула на кукол.

Он молча покачал головой, и на лице его расплзлась ещё более неприятная, чем обычно, улыбка. Перешагнув через край одеяла, торчащий из-под кровати, он направился в коридор, не собираясь оборачиваться. Но я смотрела ему за плечо и съёжилась от страха, когда оставшиеся на полке куклы одновременно повернули головы и посмотрели нам вслед.

— Знаешь, мне всегда казалось, что комната как-то побольше, чем сейчас, — заметила я и вздрогнула, когда он остановился и топнул ногой, опустив каблук ботинка на хрустнувшую голову пупса. Он всё же выполз вслед нам, собираясь вскарабкаться по его ноге и добраться до меня.

Он с наслаждением нажал ещё. Под каблуком резина трес-

нула и расползлась по старому шву. Мы встретились с ним взглядами, и я понимающе широко улыбнулась, когда он вдавил кукольную голову в линолеум и перехватил меня удобнее, покачав ребром ладони и отвечая на мой вопрос.

Мол, всё может быть.

— Здесь с пространством каждый раз неладно, — сказала я, и он согласно кивнул.

Мы нырнули в липкий мрак коридора, и комната исчезла, словно её и не было, а я погрузилась в обступившую темноту. Она липла к его плечам и рукам, как живая. Давила и теснила его. Но он шёл, словно ему это было нипочём, но накрыл мои голые ноги и обнажённые плечи полкой своей куртки с бахромой по рукавам и спине, словно пытаюсь спрятать меня от незримого злого присутствия.

Я внимательнее присмотрелась к этому месту и поняла, что против нас было длинное зеркало, накрытое тканью. С каждым шагом ткань эта была всё более различима. Мне казалось, даже меняла свой цвет на белый — и когда глаза привыкли к темноте, я увидела, что мы шагаем по бесконечно длинному чужому коридору не моего дома.

— Ты давно не появлялся.

Он задумчиво кивнул, продолжая беззаботно скалиться зубастой пастью навстречу любым опасностям в моём кошмаре.

Коснувшись рукой его предплечья, я на мгновение прикрыла глаза и почувствовала, что он сильнее сжал руки. Он

не мог сказать, но показалось, что очень хотел, и чувствовал ту же щемящую тоску:

— Я скучала по тебе, но ты не приходил.

Он снова кивнул, теперь уже медленнее.

Я прислонилась щекой к его груди, слушая дыхание под рваной накидкой. Меня клонило в сон. Его длинные пальцы держали по-паучьи цепко; в руках покачивало, как в люльке. И в зыбкой тьме, расступающейся по сторонам, он нёс меня навстречу пробуждению, чтобы я наконец смогла закрыть глаза там.

И очнуться в своей постели, дома. Одной. В безопасности. Но я в тот день не знала, что это было только начало.

Мне было три, когда во сне я увидела дьявола. Серьёзно тебе говорю: на моём месте и ты решил бы, что это он. Во всяком случае, я думаю именно так, и ты можешь сейчас усмехаться.

Но тебя там не было. Ты этого не видел. И ты не знаешь того, что знаю я.

Мир был алым и кипел в дыму и огне. Воздух корчился от судорог и вспухал, будто его бичевали калёным железом.

За спиной красноликого колосса с искажёнными злобой чертами корчились длинные тени от маленьких человеческих фигур, мучимых телесной болью. И тогда я поняла, что

это был ад. Быть может, не в церковном смысле, но похожим на него — однозначно.

Колосс передо мной был неведомым существом, которое только натянуло на себя оболочку, такую, как у нас с тобой, чтобы обмануть и подкрасться ближе, выступить из тени: тогда станет ясно, что он совсем не человек.

То было около трёх часов ночи. Все погрузились в сладкий сон. В комнате кроме меня на узкой софе спала старшая сестра. Стояла тихая тёмная ночь, такая, как сотни предыдущих, а может, даже спокойнее.

Внезапно тишину разрезал мой истошный крик.

Потом мне говорили, он был таким жутким, что от него кровь стыла в жилах.

В комнату настежь открыли дверь. Вокруг меня столпились. Я только слышала голоса, доносящееся до ушей словно из-под толщи воды.

— Ты в порядке, Соня?! Ты в порядке?!

— Сонечка, Соня! Милая, проснись!

Я слышала всё.

Как кричат родители.

Как кто-то (сестра) бежит за водой.

Как я нечеловечески громко кричу.

И получив своё, красный колосс тогда отступил в сизый сумрак погасшего мира.

Я кричала ещё столько, сколько длилось пробуждение. Оно всегда похоже на попытку вынырнуть из колодца. Где-

то там, наверху, брезжит половинка света из-под крышки: ты плывёшь в чёрной невесомости, надеясь, что спасёшься, но думаешь: они вот-вот схватят меня, утянут за руки и ноги, будут держать, душить, топить.

Они меня утопят и не отпустят.

Никогда. Никогда. Никогда.

— Соня! — это мама трясла меня за плечи.

Она была так бледна, что кожей совсем слилась с волосами, крашеными в пепельный блонд.

Сестра, такая же бледная, маячила за спиной у отца. Он не понимал, что происходит, и спросонья шарил испуганно-сердитым взглядом по мне и комнате, словно искал невидимого врага, чтобы защитить меня, а от кого — сам не знал.

Потом, спустя много лет, я узнала, что он сказал матери, когда в квартире всё снова смолкло, а они легли в постель:

— Мне показалось, кто-то был у стены. Там, где шифоньер. Я думал, тень от лампы, но она зашевелилась.

И посмотрел на меня. В ту ночь, как и в одну из многих следующих ночей, я спала между ними в их кровати.

— Мало ли что тебе кажется, — с сомнением сказала мама. — Юр, это обычное дело у детей — плохой сон.

— Думаешь, когда ребёнок так кричит — это обычное дело?

Это правда. Детям часто снятся дурные сны. Все говорят в таких случаях: ничего, это бывает со всеми. Или: он много смотрит телевизор. Или: он просто очень впечатлительный,

этот милый малыш! Ну и на самый край, у него режутся зубы, болит живот или он съел много сладкого. Такие дела.

Но на следующую ночь со мной было то же самое. И на другую. И через одну. И каждую чёртову ночь между тремя и четырьмя годами я ложилась спать, зная, что проснусь в кровавом мире с багровым нечем в нём. Он будет высидеть надо мной и молча наблюдать — и в глазах его не будет ни одной эмоции, кроме чистой злобы. Чем сильнее стучит моё сердце, тем радостнее он улыбается из алой кипящей мглы.

Он не стоял на месте и приближался ко мне, каждую ночь по шагу, и мне становилось не по себе, когда днём, играя в безопасности со своими плюшевыми зверями, или обедая, или сидя в автобусе у окошка, я думала: что же будет, когда он всё же подойдёт ко мне слишком близко?

С каждой ночью я замечала, как он меняется и выглядит всё хуже, всё страшнее. Теперь я знала, что у него были невообразимо длинные, обезьяноподобные руки: мне чудилось, согни он спину горбом — и они коснутся ступней. Я понимала, что он хочет сделать со мной что-то ужасное. Ужаснее смерти, ужаснее, чем всё, что я могла и не могла вообразить. Я прожила так мало в те годы, но знала, что это будет не быстрый конец всего, а долгие муки, и самое главное — бесконечно длящийся страх, который заберётся в самое горло, под кожу, и что-то изменит во мне навсегда. По ту и по эту сторону реальности.

От моих воплей дома порядочно устали. Сестра надева-

ла по ночам беруши, даже мама прекратила думать, что это просто плохие сны, и пригласила к нам в квартиру на Малой Алтынной священника. Он не сделал ничего — хорошего или плохого: спросил, крестили ли меня

это чтобы после смерти Господь прибрал мою душу в рай, как полагается маленьким ангелам, верно?

и добавил, чтоб разучила «Отче наш» и «Марию Богородицу». Но ночами у меня в глотке камнем стыло каждое слово, я не могла пикнуть «мама», не говоря уже о молитве. Я учила и знала, что всё это безнадежно.

Ложиться спать было мукой.

Я плакала и просила, чтобы человек с красным лицом ушёл.

Одним зимним вечером, когда меня уложили спать и оставили в комнате, не прикрыв двери, я, уже переодетая в свою пижаму, стояла перед открытым настежь шифоньером, большим советским чудовищем, покрытым рыжим шпоном. Там пахло нафталиновыми шариками от моли и пылью, на полках лежали никому не нужные одеяла, старые вещи, узлы и ненужные тряпки. Шифоньер открывался редко. Там не было ничего, что могло бы меня заинтересовать. Я не могла уснуть, слушая за стеной разговор своей семьи за столом и музыку из телевизора, потому что шкаф в моей комнате медленно распахнул двери в стороны, и из его голодного нутра полилось красное свечение.

Я подошла.

Целый мир открылся передо мной. Подлинный ад, голодный и неживой, смотрел на меня оттуда. И он был там тоже. Тот, с красным лицом, кто притворялся человеком.

Он сгорбился, но его глаз я не видела: только зияющий чёрный провал рта над длинным подбородком. Он потянулся ко мне, и его рука показалась из шкафа.

Он был теперь не только в кошмаре, но здесь. В моей комнате. В моём мире, где раньше я была в безопасности.

Я попятилась, но рука, кажущаяся гибкой, как змея, и резиново-ненастоящей, тянулась и тянулась вслед за мной, хотя краснолицый не двигался с места. Он хотел меня достать и наконец забрать с собой, и никто не узнает, куда делся среди ночи ребёнок.

Никто никогда меня не нашёл бы.

Ведь правда?

Тень от его руки ползла, кривая и длинная, через весь шкаф и старый вытертый ковёр, на котором остались лежать мои игрушки, а затем накрыла меня, точно облаком. Я прижалась спиной к стене, дрожа от страха, и словно зачарованная смотрела туда, в красное зыбкое марево, от которого красной стала и вся комната.

И вдруг шифоньер с оглушительным грохотом закрылся. БА-БАХ! — сказали двери.

КРЭК! — простонало зеркало на дверце шкафа.

Наутро мы нашли в нём трещину, разломившую стекло пополам.

Но в ту ночь я помнила, как другая рука — чёрная и большая, как у моего краснолицего врага, только цветом мрачнее ночи — скользнула длинными пальцами в щель приоткрывшегося шифоньера. И оттуда, из темноты, на меня кто-то посмотрел.

Только много лет спустя я поняла, что это и был Красный мир.

Место, куда я попала, откуда мне повезло выбраться... и куда я возвращалась снова и снова.

Что он такое? Он переменчив; каждый раз иной, каждый раз — непохожий на предыдущий.

Складки багрового неба над головой.

Альковы чёрных арок, где тени казались живыми и двигались сами по себе.

Комната, похожая на мою — но не моя, другая, опасная и живая, как и всё в том проклятом мире.

Город за окном, куда не стоит выглядывать.

В том страшном месте чувствовалось странное сверхъестественное зло, древнее и молчаливое. Дети всегда хорошо чувствуют подобные вещи: я была таким ребёнком. И ложась ночью спать, всегда с опаской смотрела в окно, на дверь и на шифоньер, заучив как дважды два простую вещь: они появляются неожиданно, вместе с кошмарами, но приходят наяву.

Они открывают когтистыми длиннопалыми руками оконные створы и тяжёлые двери, они стоят на пороге и ждут, когда придёт их черёд шагнуть в эту комнату и поквитаться со мной.

Одна ночь сменяла другую. Раз за разом я не могла сомкнуть глаз, тревожно наблюдая за моими гостями.

От них всегда пахло по-особенному. Сыростью. Когда я уже выросла, узнала, что такой запах — мокрая земля после ливня — зовётся петрикор.

Тогда же я узнала, что в природе за запах этот отвечают бактерии-стрептомицеты: те, у которых есть мицелий, и выделяют они его, когда охотятся на членистоногих коллембол.

Всё в природе подчинено принципу единообразия, несмотря на огромное количество инвариантов. Всё создано кем-то и существует зачем-то. Нет такого хищника, на которого не нашлась бы своя жертва.

Тот же петрикор.

Учёные долго не знали, зачем бактерии источают его, пока не поняли — экспериментальным путём — что стрептомицетами питаются коллемболы, а после они же, перемещаясь в почве, распространяют споры.

Обычные биохимические процессы, протекающие в организме ради того, что подчиняет всё живое на Земле единой глобальной цели — выживанию.

А ещё петрикор — это аромат, который источает кровь богов. Так говорили в Древней Греции.

Странное совпадение, но я слышала тот запах всякий раз, как сбегала летом по сбитым гранитным ступеням своего подъезда, и там, у разбитых деревянных дверей, у каморки в подвал, в воздухе веяло землёй и дождём, озоном и грозой — как никогда сильно.

Так пахнет Красный мир.

Глава четвёртая. Шорох

Миша забарабанил пальцами по столу. Он уже совсем ничего не понимал.

Какой-то ад, петрикор, чужие миры, чокнутое детство жёны, которая тоже начинала казаться чокнутой. И при чём тут тогда индейцы были, и Оклахома? Тоже неясно. Он крепко зажмурился и выпил ещё.

Соня смотрела на него, как на моль в шкафу. Как на что-то малозначимое. Говорила и думала: так и знала.

Она рассказывала всё это потому, что он сам попросил, а ещё потому, что у неё было свободное время до тех пор, пока местный сахем{?}[вождь] её не примет. Но Миша чего-то не понимал, даже когда опрокинул в себя текилы, и хуже того — как всегда, понимать не собирался.

— Так погоди, ты хочешь сказать, в детстве у тебя была шизофрения?

Соня раздражённо хмыкнула. Небрежно скомкав в руке салфетку, она дёрнула плечом.

Обиженно дёрнула.

— У этой шизофрении было своё имя, Миш, если уж так говорить.

— О Господи. — Покачал он головой и спрятал лицо в ладони. — Ты понимаешь, как всё это звучит?

— Я могу рассказать ещё, — невозмутимо сказала Соня.
— Но дальше будет хуже.

— Насколько хуже? — он устало опустил руки и вздохнул.
— Я, если честно, даже не знаю, что и думать. Мы прилетели к чёрту на рога, чтобы потакать твоим детским ненормальным воспоминаниям? Было бы легче нанять психолога.

— Он не поможет. И никто бы помочь не смог. Только, может быть, здесь, и то я сомневаюсь.

«Тогда наймём психиатра» — мрачно подумал Миша, но не стал говорить вслух. Соня усмехнулась:

— Ты мне не веришь.

— Да брось.

— Нет-нет, я вижу, что не веришь. Ты считаешь, я сошла с ума в далёком детстве. А потом родители оплатили мне лечение, вправили мозги, которые съехали набекрень, и вот спустя десяток лет у меня случилось обострение. Верно?

«Она мысли читать умеет» — решил Миша, но вслух выдал другое:

— Я так не говорил.

— Но ты так думал. — У неё на губах расцвела нехорошая улыбка, какой он прежде не видел. Он даже не мог толком объяснить, кто так улыбается — никто на его памяти, но это навевало какие-то странные подавленные воспоминания о том, чего боишься в детстве по ночам. — Поверь, в моей жизни были скептики, и все они сейчас...

«...сlegли в могилу» — она не могла так сказать, но в кон-

це концов, должны же и у неё быть какие-то секреты от мужа? Миша прищурился.

Кажется, вот сейчас он что-то впервые почувствовал, недоброе такое, как тухлый душок из-под двери квартиры, где кто-то на днях умер и дожидается, когда его найдут, и спросил:

— Сейчас они — что?..

Соня промолчала. Если он умный, сделает выводы, а нет — она не сможет ничем помочь. Никогда никому не могла.

Миша отставил пустую стопку в сторону, педантично подвинул её костяшками пальцев в центр салфетки и уточнил:

— Но я всё равно не понимаю. Ты говоришь, что была там не одна. Так кто же с тобой был?

— Друг.

У неё не было ни секунды сомнений в этой формулировке. Он был друг и больше, чем друг. Всегда. Миша приподнял бровь.

— Мне стоит ревновать к этому другу? — и улыбнулся.

Соня почувствовала что-то странное. Гнев, который поднялся в ней, как по щелчку. Непонятная злость на мужа, желание встать и уйти, бросить это к чёрту. Он издевался над ним? Над тем, над чем шутить смертельно опасно? Или просто не мог оценить реальных масштабов всей задницы, в которую они угодили?

«Стоит» — хотела сказать она, но произнесла другое:

— Это такой друг, который со мной не сможет быть ни-

когда. Здесь.

— Здесь — это...

— В этом мире.

Он кивнул и взъерошил чёрные волосы на затылке. Хотел было сказать: ладно, поговорили, пооткровенничали — и хватит. Но Соню вдруг прорвало. Он наступил ей на большую мозоль. Он всколыхнул в ней что-то, и она бездумно, но страстно спросила:

— Хочешь, расскажу тебе, кто он?

Миша пожал плечами и сделал знак официантке, чтоб принесла ещё выпивки. Раньше жена сказала бы — «тебе не кажется, что на сегодня хватит?», но это был явно не тот случай. Она промолчала. Только внимательно проследила за тем, чтобы текила у Миши в принципе была, и лишь после начала.

Прошло десять лет, а я его помню, будто видела только вчера. Мне иногда кажется, люди на улице выглядят более нереальными, чем он. Если бы ты спросил меня, смогу ли я описать до малейшей морщинки твоё лицо, я бы засомневалась, но с ним такого нет.

У Шороха — тело гранитного цвета. У Шороха — восемь алых глаз, четыре по правой стороне лица и четыре по левой, но второй верхний глаз слева вечно прищурен. Он носит ка-

пюшон и никогда его не снимает. Лицо его кажется бесплотным чёрным облаком, облёкшимся в скулы, и губы, и надбровные дуги: оно похоже на то, как человек прячется в полутьме, и ты едва можешь различить его черты, но чувствуешь объём, плоть и кости там, в зыбкой мгле. И если взглянуть в самое сердце этой мглы под рваным краем капюшона, можно увидеть, что он выглядит всегда насмешливым. Или всегда удивлённым — что странно для того, кто живёт в Красном мире так долго, как он.

Он всегда улыбается, хотя это нельзя назвать дружелюбной улыбкой. Скорее — оскалом. В его длинной пасти много острых неровных зубов, смыкающихся друг с другом плотным частоколом, пёстрых от разнообразия бело-жёлтых оттенков. Иногда от него пахнет талой водой, иногда — разрядом молнии. Каждый раз по-разному.

На теле у него — шестнадцать пар алых глаз. Они рубиново горят в тонких складках незакрывающихся век, и где-то там алые склеры топят огненно-оранжевые зрачки.

У Шороха надёжные сильные руки, со сбитыми до багровых ссадин костяшками. Длинные крепкие мышцы плавно перекачиваются под плотной тёмно-серой кожей, показываются в прорехи драной накидки: неясно, чем она была когда-то — плащом? Пончо? Жилетом? Курткой? На груди лоскутов особенно много, истлевшая и выцветшая ткань когда-то была чёрной; теперь она бурая. Кожаные штаны истёрлись на ногах, истончились. Со временем они оборвались,

стали короткими: едва опускались лохмотьями на тяжёлые высокие ботинки, которые плотно обхватывают узкие щиколотки. Поверх он носит тяжёлую куртку с грубо нашитой бахромой по спине и рукавам. И при каждом его движении бахрому пляшет вместе с ним.

Шорох ходит бесшумно. У него походка хищника и паучий взгляд. И он никогда ничего не говорит.

Долгое время он был в моих снах незванным и нежеланным гостем, и я предпочитала делать вид, что не вижу, не слышу, не замечаю его. Я думала, если игнорировать его, однажды он уйдёт или растает, обделённый моим вниманием, как любой прежний кошмар. Но он не сдавался. Наблюдал за мной из чёрных закутков затхлых квартир немигающими алыми глазами. Ходил длинной тенью по пятам. Я росла, он подходил всё ближе. И чем чаще мы виделись, тем сильнее сперва я его боялась. Немного позже я поняла, что он был странным безразличным хищником, который разрешал бродить по своим угольям. И прошло достаточно времени прежде, чем я поняла: всё в моих кошмарах боится его.

Слышал такую фразу: враг моего врага — мой друг?

Вот так и он стал моим другом. Это не случается враз. Только постепенно. На долгие годы я забыла о страшных снах, и они перестали мучить меня — благодаря ему. Жизнь вошла в привычное русло. Я росла, становилась старше, но одно было неизменным: он был всегда рядом, даже в ночь, когда случилось что-то особенно плохое — то, что в итоге

привело нас сюда, в Оклахому. Так далеко от дома.

В ночь, когда всё началось, мне снился кошмар. Мы прятались в большом зале заброшенного с советских времён Дворца культуры: в нашем городе тоже был такой, стоял на раздолбленной временем площади, окружённый толстыми лапами старых высоких елей, с окнами, заколоченными досками, и унылой ярмаркой тканей из Индии на первом этаже, среди мраморных колонн.

Ту ночь я помню очень хорошо. В зале было мрачно и пусто. Длинные багровые занавеси из тяжёлого пыльного бархата были от самого верха разорваны, будто о них точила когти гигантская кошка. В коридорах за тяжёлыми двойными дверьми стояла тишина. Тёмные и длинные, как узкая глотка, они туго вились по нутру всего здания в четыре этажа, сплетаясь в лабиринты.

— Ты слышишь, как здесь тихо? — я поёжилась. — От этого очень не по себе. Хоть бы какой-нибудь звук...

Он скептически поглядел на меня и приложил указательный палец к пасти.

«Тихо».

Всегда он так! Надувшись, я скрестила руки на груди и поплелась за ним, думая, почему мне приснилось именно это место, хотя для снов вопрос «почему» всегда странный.

Впоследствии я научилась задавать правильные вопросы,

и правильное в этом случае было бы спросить — зачем.

Мы подошли к окнам. Шорох остановил меня рукой, когда я хотела выглянуть наружу, и тихонько отодвинул рукой штору. В прорехи багровело небо Красного мира.

— Знаешь, в китайских городских легендах есть одна о потустороннем мире, куда можно попасть во снах или с помощью различных жутких ритуалов. — Я помолчала и неловко добавила. — Как думаешь, они говорят о Красном мире? Или о каком-то другом?

Он не дал знать, что думает на этот счёт. Прижавшись плечом к стене, изрытой трещинами, осторожно изучал обстановку снаружи.

— Хотя, что такое название... только слово. Есть одна наука — оноματοлогия, она изучает все собственные имена. Мы считаем, что без имён никак. Тебе ли не знать. Пока не назвала Шорохом, откликался на «эй, ты».

Он прикрыл глаза.

«Да-да, конечно» — словно процедил он, безразлично махнув рукой.

— Отнесись к этому серьёзно. Философы говорят, назови любую вещь, дай ей имя, и она станет этим. — Рассудительно продолжила я. — Положим, вот стул...

Внезапно Шорох метнулся вбок и накрыл мне губы ладонью, крепко сжав в объятиях. Большая рука легла мне под грудь, предплечья закаменели. Он вжался спиной в стену с осыпающейся бежевой краской

когда-то бежевой: теперь покрытой червоточинами и коричневой засохшей кровью широкими мазками и брызгами, будто здесь поработал мясник на скотобойне

и прижал меня к себе. Сделай так обычный человек, и я лопатками ощутила бы биение сердца. Но в этой груди было пусто. Всё живое на земле дышит, у всего живого стучит сердце. Но у Шороха...

... он отступил по стене глубже в полутьму зала, и мы покосились на гигантскую тень, упавшую на вытертый паркетный пол ёлочкой...

... у Шороха — нет.

Что-то огромное посмотрело на нас оттуда, из окна. Оно всё время было по ту сторону стекла, за стеной дома, как монструозное морское чудище, всплывшее из глубин подводного царства к жалкому крохотному батискафу.

Смотри. Любуйся. Оно уже здесь. Оно тебя видит.

Шорох отступал дальше, не отрывая глаз от окна. Тихо скрипнули старые деревянные рамы. Взвизгнули тугие шпингалеты. Что-то неожиданно мягко, очень деликатно для таких габаритов надавило на окно снаружи.

А если оно проникнет сюда?

В воздухе запахло озоном и аммиаком, будто прошёл сильный дождь, пролившийся на набрякший почернелый асфальт. Шорох всё ещё держал руку у моего рта, и я оведала его ладонь слабым испуганным дыханием. Мы оба застыли.

То, что было снаружи, надавило сильнее. Стёкла задрожали.

ли и зазвенели, а потом шпингалеты отстрелили в стороны и разлетелись как металлические пули, грохнув по полу.

— О мой Бог, — шепнула я одними губами в серую кожу. Что-то медленно надвигалось на нас.

Сначала — огромный палец с когтем, острым, как пика. Он скрипнул по полу, оставив на паркете глубокую царапину. Меня передёрнуло. Аммиаком пахло сильнее, когда колоссальных размеров рука колыхнула тяжёлые рваные занавеси, поднимая в воздух тучу пыли. В носу защекотало.

Рука гигантской твари бесшумно вползла в зал, похожая на щупальце глубоководного кальмара. Воздух стал густым, душным и вязким, как кисель. В ушах появился противный тонкий звон: это тишина достигла абсолютного пика. Можно подумать, звенело, только когда я испытывала страх, но это было не так. Мерзкий вертлявый колокольчик в костлявых пальцах потусторонней тьмы — он никуда не исчезал, это я привыкала к нему. Он назывался тиннитус: так однажды я прочла где-то в газетной заметке, пока ждала в дождь автобус, прячась под стеклянной крышей автобусной остановки.

Там тоже пахло дождём. Было лето: в газоне из-под земли наружу вылезли дождевые черви. Я скользила глазами по чёрным печатным буквам. Они плясали мушками в грязном окошке, за которым сидела безразличная толстая продавщица.

Учёные из допотопной газеты объясняли мне с дешёвых

страниц, пахнувших краской, что тиннитус «представляет собой восприятие звуковых сигналов при отсутствии внешних акустических стимулов». Что есть объективное и субъективное объяснение: из первого — миоклонус мышц уха, спазмы иными словами. Ухо вещает само себе, потому что у стремениной мышцы, которая напрягает барабанную перепонку, появляется слышимый шум.

А во втором случае звон в ушах — это только следствие реакции мозга на поражение слуховой улитки.

В ушах звенело так, словно мне раздавили черепную коробку и вещали прямо в мозг. От этого звука ты цепенеешь и не можешь даже пошевелиться. От него тонкие волоски на руках и бёдрах встают дыбом, как у животного. И в тебе просыпается нечеловеческий страх, который побуждает либо замирать

как замирают олени в свете фар, и их сбивают и под колёсами прокручивают в мясные туши

либо бежать что есть сил в онемевших ногах.

Когда рука вползла в зал, звон усилился, страх накрыл меня густой пеленой. Шорох отступал всё дальше, в темноту. Мне в бедро больно упиралась рукоять его пистолета: он крепко засел в кожаной кобуре.

Огромные пальцы перебрали воздух, по-паучьи пробежали по доскам. А потом ладонь раскрылась, и малиновый тусклый свет брызнул с неё: это тварь обнажила выпуклый влажный глаз в самом её центре, обрамлённый чёрными

длинными ресницами.

Шорох попятился быстрее.

Прятаться здесь было негде — разве что присесть за рядом низких колченогих стульев. Он так и сделал, нырнув за них и запахнув меня рваной накидкой: самое надёжное, мать его, укрытие!

Я затаила дыхание. За пределами этой накидки, за ненадёжной рваной стеной, несомненно, обладающей явными экзорцистическими свойствами, что-то происходило.

Глаз зашевелился в ладони.

Огромный — размером с мою голову, а может и больше — он обвёл зал узким чёрным зрачком, похожим на ониксовый шар. Как сканер, столб малинового цвета заскользил по полу и сцене с деревянными ступенями. Пока он смотрел в другую сторону, не туда, где притаились мы, Шорох, скрюченный за стульями — места ему тут было явно мало — заозирался.

Выбежать вон за двойные двери или спрятаться получше здесь?

Зрачок-точка замер в центре влажной склеры, утопленной в гигантскую алую ладонь с сеткой чёрных сосудов. На миг застыв, он посмотрел в сторону сцены — и тогда Шорох распрямился, схватил меня за запястье и потащил за собой.

О нет!

По коже мороз: а ну как эта тварь нас заметит?! Я даже не хотела думать, что будет тогда! Охватил не просто страх: панический ужас, когда сознание превращается в кашу — и

я, чертыхаясь про себя и ругая Шороха последними словами, нырнула вместе с ним за бархатную портьеру, которая обрамляла двойные двери в зал.

Там было пыльно и тесно. Портьера отступала от стены, что позволяло спрятаться за ней, но всё равно малейшее движение выдало бы нас. Стараясь сдержаться, чтобы не чихнуть, я ткнула Шороха в грудь пальцем и одними губами шепнула, вытаращившись на него:

— Какого чёрта ты творишь?! А если бы оно нас увидело?!

Он прижался лопатками к стене, вытянувшись по струнке вдоль неё, и молча посмотрел на меня всеми своими многочисленными глазами. Взгляд был убийственно холодным.

— Не надо намекать, что нам пришлось это сделать, — проворчала я.

Шорох отвернулся и тихонько отодвинул край портьеры, шурясь: там, в разорённом зале, как змея в распотрошённом птичьем гнезде, огромная рука почти деликатно заглянула за кулисы в поисках кого-то живого.

Я потеснила Шороха, прижавшись к нему плечом: он хмыкнул, но чуть подвинулся. Мой взгляд упал на распахнутое окно — рука занимала его целиком, от предплечья до кисти и ладони, шарящей за кулисами, а всё остальное было там, снаружи, и терялось в багровом тумане Красного мира.

Каких же оно размеров?

Я представила, как неимоверно тяжёлое тело разрезает со-

бой пурпурное небо. Сложно представить, как оно выглядит: я уже знала, что твари в Красном мире не всегда похожи на людей — возможно, только какими-то своими частями. А какое тогда у него лицо?

Шорох ткнул меня пальцем в рёбра, и я возмущённо обернулась к нему.

С широкой невинной улыбкой он воззрился на меня. Почудилось, что в его прищуре притаился смех.

— Я тебя укушу, если сделаешь так ещё!

Мы шутим. Я шепчу почти беззвучно. Звуки гаснут в воздухе, как обронённые камни, но твари чутки даже к такому. Шорох, к счастью, умеет читать по губам. Он нем и бесшумен, а потому живёт так долго в Красном мире. Я спрашивала у него, что он помнит до него. И оказалось, ничего.

И пусть он напускал на себя беззаботный, дурашливый вид, но мне всё равно было страшно. Он улыбался, хотя зубы у него — острым частokoлом вразнобой, как страшная акулья пасть, повисшая во мгле под капюшоном. Я знаю, что он шутит, потому что мне так легче. И знаю, что весёлого здесь мало, но он старается сделать так, чтобы я прекратила бояться.

Вдруг рука резко показалась из-за кулис, и наши лица в узкой щёлочке между тяжёлых портьер озарило малиновым светом. Шорох шарахнулся от него к стене и увлёк меня за собой. Я видела, как он потянулся к ручке пистолета — очень медленно, нерешительно. Монструозная рука гибко

плыла в нашу сторону: чёрный зрачок-точка в белом влажном глазном яблоке метался по стене в поисках едва уловимого движения.

Оно искало нас.

Каждый мой сон наполнен звуками, ощущениями и запахами. Этот не исключение. С влажным шлепком будто на пол швырнули неотжатую кучу мокрого белья что-то упало на паркет.

Едва видя зал в щёлочку между портьер, я заметила, как оно быстро шмыгнуло в бок, двигаясь под рядом стульев и опрокидывая один за другим. Шорох решительно сжал мою руку в своей, и я приготовилась. Я знала этот жест.

Делай, что я велю, иди за мной и ничего не бойся.

Ладонь выжидающе замерла посреди зала, слепо поворачиваясь в стороны. Стулья всё ещё гремели: в воздухе гадливо завоняло тухлятиной. Я сморщила нос и смолчала, взглянув на свои босые ноги...

В зале стало подозрительно тихо. В ушах вновь зазвенело, когда я заметила близ ступней что-то чёрное, что-то тонкое, что-то... что-то, медленно и осторожно заползающее под портьеру.

Словно усики гигантской сороконожки, гладкие влажные щупальца вмиг обвинили мою лодыжку. От одного только касания по телу пробежали мурашки. Я закусила щёку до крови, лишь бы не заорать от омерзения, и из последних сил впилась в ладонь Шороха ногтями.

Он опустил взгляд. И взметнул рваной накидкой, вынимая пистолеты.

— Шо...

Оно рвануло меня за собой с такой силой, что я взвизгнула и упала, волочась следом за удлинившимися чёрными щупальцами. Брыкаясь и отбиваясь свободной ногой, я отчаянно вопила, забыв главное правило: все твари Красного мира охотятся, ориентируясь на страх и звуки.

Щупальца были ресницами, плещущими в воздухе словно пара десятков тонких рук. Они крепились к тонким векам, полупрозрачными лохмотьями свисающим по главному яблоку. А оно — о Господи, какое омерзительное! — упрямо каталось по полу, чтобы как можно быстрее оттащить меня ближе к гигантской руке.

— Шорох, помоги!

Ладонь слепо взметнулась под самый потолок и нависла надо мной чёрной тучей. Я прекратила биться в чудовищных силках и замерла от страха, глядя на неё и думая: если она опустится, раздавит меня в лепёшку.

Хрустальная помпезная люстра угрожающе закачалась: подвески бросили алые блики на стены и громко звякнули, когда рука небрежно задела их костяшками.

В тот момент Шорох налетел сбоку. Он спустил курок у своего пистолета: коричневая деревянная рукоять прокрутилась в руке, и Шорох спустил второй курок, и сгустившийся воздух из воронёных дул стал пулями. Одна бесшумно про-

стрелила глаз сбоку, вторая оторвала длинную ресницу.

Тварь омерзительно завизжала, так громко, что у меня за- просто могли лопнуть барабанные перепонки.

Пока крик взвился под потолок эхом, Шорох налетел на меня и схватил в охапку. Рывок! Он был силен, очень силен, но маленькая тварь, даже раненая, оказалась сильнее. Она упорно волочил меня следом за собой, брызгая кровью во все стороны. За ней оставался широкий полосающий след. Ресницы поползли всё выше по моим ногам, от лодыжек до колен, и сжали их так, что я взвыла от боли. Казалось, мне дробят кости.

Ещё рывок! Шорох не сдавался. Я вцепилась ему в пред- плечье:

— Тяни!

Он рванул снова, упёрся ботинками в пол. Скрипнули подошвы его ботинок. Под рукавом куртки мышцы стали тугими и жёсткими. Шорох шаг за шагом начал отступать назад, и вот уже глаз поволочился за нами, буксуя на месте и не желая отпускать меня. Меня — свою добычу.

Воздух взвихрил мне волосы, будто бы откуда-то здесь, в стоячем воздухе, взялся порыв ветра. Всё случилось за миг: я только успела задрать подбородок вверх и крикнула:

— Берегись!

БАМ!

Рука упала туда, где секундой назад стоял Шорох. Он отпустил меня и бросился вбок, рухнув в груду перевёрну-

тых колченогих стульев. Ладонь поднялась снова, впечатавшись в паркет, и оставила в нём воронку от удара. Поднялся страшный грохот.

Ресницы яростно заплескали уже по бёдрам. Перекрутились в жгуты, впиваясь в плоть. Я была уверена, останутся розовые припухшие следы, как от верёвок, но это пустяк, главное — выбраться отсюда!

Шорох кое-как встал из-под груды стульев, нашарив выроненный пистолет. Второй он крепко сжимал в руке.

— Сверху! — прокричала я, отчаянно извиваясь.

Глаз притянул меня ближе к себе, точно змея, опутывая ресницами. Зрачок сузился, стал крохотной точкой — а затем резко расширился до крупного шара размером с мою голову. Тогда из него хлынул малиновый поток света — хлынул и ослепил меня.

Последним, что я видела, был Шорох. Он отскочил назад и попятился, лишь на пару мгновений опередив ладонь, готовую прихлопнуть его, как муху. Шорох ловко перемахнул гигантское запястье оттолкнувшись от него рукой. Его чудовищно большая пасть застыла в оскале. Он на бегу прицелился.

В эту секунду мир утонул в багрово-малиновом цвете.

Яркая пелена озарила моё лицо, затопила сознание, уничтожила и очистила всё, что было в голове, заменив страх и панику на кроткую пустоту и оцепенение.

Сон, это всего лишь сон. Помни об этом.

Свет говорил со мной множеством голосов, перекликался в ушах и в черепной коробке, убеждая:

расслабься и прекрати дёргаться. Ты просто спишь, а во сне тебе нужен покой.

Шорох дрался молча. Я слышала топот ног — его ног, и протяжный хищный визг.

Шумели так далеко. Звуки доносились как из-под одеяла. А может, так оно и есть?

Может, я действительно просто лежу в своей кровати в попытке проснуться?

Рывок. Кажется, он отстрелил ещё одно щупальце-ресницу. Тело придавило странной тяжестью, я вытянула руки — слепо, потому что свет всё ещё сиял прямо перед глазами.

Вытянула — и упёрлась ладонями в широкую мягкую грудь.

— Шорох, пять минут... — простонала я, не желая просыпаться. Он подхватил меня на руки. Понёс куда-то.

Зачем? Я же не хочу просыпаться!

Одной рукой удерживая меня под ягодицы, он вытянул вторую, сжимая в ней обрез. Малиновый свет, озарявший мне лицо, погас. В голове и во взгляде прояснилось, и я озадачено посмотрела, как Шорох мотнул головой. Мстительно, непримиримо.

Не будь он нем, сказал бы что-то напоследок — жёсткое, язвительное, крутое.

Но он лишь крепче перехватил меня, вжимая себе в плечо

и грудь, и отступил к двойным дверям, испепелив взглядом глаз прежде чем выстрелить в него — прямо в узкий зрачок.

Мне почудилось, он прострелил его насквозь. Зал огласил вопль. В окнах дрогнули стёкла, под потолком заметалась ослепшая гигантская рука.

— Она сейчас нас размажет по стенке! — взвизгнула я.

На бегу Шорох пригнулся, и над головами рука махнула с такой силой, что могла бы с лёгкостью сделать из нас два мокрых пятна.

Шорох мельком взглянул на глаз. Тот яростно атаковал поваленные стулья — вслепую расшвыривал их в стороны, и шарил по полу и портьерам дрожащими чёрными щупальцами. В итоге, уцепившись за стену, он подтянулся и пополз выше под потолок, похожий на большущую чудовищную улитку.

А если он упадёт нам на головы сверху, что будет тогда?!
— Надо выбираться отсюда! — крикнула я.

Шорох кивнул. Уклоняясь от взмаха огромной руки, она била вслепую, с каждым разом воздух разрезало с таким свистом, что ветер подымал мне волосы, как при урагане бежал к единственному выходу — к двойным тяжёлым дверям в другом конце зала.

В воздухе пахло кровью. Рука, просунутая в окно, нетерпеливо попыталась снова нас схватить, ориентируясь на звук — бесполезно. Шорох ловко перескочил через груды поваленных стульев. Откуда их здесь столько появилось?! В тот

самый миг, как он сделал это и толкнулся ладонями в запертые двери, от пола и до потолка зал наполнился аплодисментами.

Издевательски громкими, мать их, аплодисментами. Будто десятки людей хлопали нам, как в театре.

Шорох медленно обернулся. По быстрой тени на чёрном лице я видела: это его задело.

Рука нависла над нами багровой тенью. Ещё немного, и она нас схватит. Что будет потом? Я не знала: стараниями моего немого защитника, я никогда не умирала в Красном мире, но помнила, как однажды сотнями голосов через радио Шорох прошептал мне в уши:

— Сгинешь здесь — не проснёшься больше никогда...

Что страшнее? Стать заложницей вечно страшного Красного мира или безвозвратно исчезнуть? Я не уточняла, да и мне никто не разъяснял.

Я схватилась за дверь и отчаянно царапнула полотно ногтями: в ней остались только дырки для ручек, самих же ручек не было. Проклятье!

— Ты в курсе, что дверь заперта?! — взревела я.

Шорох даже не отреагировал. Он пристально следил за подкравшимся к нам глазом на потолке, подобравшим свои щупальца-реснички перед атакой.

А потом случилось сразу две вещи.

Рука метнулась навстречу нам: вместе с ней от стены оттолкнулся и глаз. Он хлестнул щупальцами в воздухе, слов-

но желал накинуть петлю на шею Шороху и вздёрнуть его к потолку.

На короткий миг моё сердце перестало биться. Всё тело охватило оцепенение. Шорох толкнул меня вбок и спустил оба курка пистолетов, которые успел вынуть из кобуры. Из чёрных дул закурился тонкий дым, истаял в воздухе и растворился, а глаз дёрнулся в воздухе и тяжело, сочно шлёпнулся на пол шагах в двух от нас.

Я рухнула на паркет, ударившись бедром и плечом. Мир стал грязно-алым — и спустя секунду рука врезалась в двери и разбила их в щепы, заставив меня взвизгнуть и закрыть голову руками от обломков.

Шорох успел увернуться, а затем вскочил на ноги и метнулся ко мне.

Вперёд, вперёд!

Он схватил меня и поднырнул под огромной рукой, остервенело сжимавшей дверное полотно, вырванное из петель. Пока она, как голодная змея, глотала свою добычу в слепых поисках нас, мы выскочили в красный коридор и обнаружили, что он здесь не один.

Их — целое сплетение.

— Чёрт подери, — брякнула я, замирая плечом к плечу с Шорохом. — Как же мы отсюда сбежим?

Он уверенно повёл меня за собой. Мы шли быстрым шагом: повернули за угол, оставив зал и чудовищную руку позади. Мы перестали слышать стоны, которые издавала гиб-

нущая древесина. Нас снова захватил безжизненный вакуум Красного мира.

— Мне здесь не по себе, — поделилась я с Шорохом. Он криво ухмыльнулся.

«Да-да. Будто где-то в этом дрянном месте тебе может понравиться» — словно говорил он.

Коридоры были похожи на кишки огромного монстра. Пахло здесь неважно. Покосившиеся портреты и натюрморты на стенах были пусты, лишены лиц, предметов и красок, да и сами стены, пошедшие трещинами и червоточинами, заливались струйками чёрной крови.

Что-то дрогнуло под нашими ногами. Что-то сказало «кrrrrrrрак» над головами. Шорох забеспокоился и крепче сжал мою руку. Пусть его ладонь была холодной, но я торопливо семенила за ним. И пусть он часто пугал меня одним своим видом, но я не могла убежать от него.

Когда перед тобой встаёт выбор между страшным и очень страшным, ты выбираешь меньшую из зол.

— Где здесь выход?

Дверей не было, ни одной. Мы быстро шли вдоль стен, чувствуя, как коридор качается и шевелится под ногами. Нас будто проглотила огромная змея. Шорох перешёл с шага на бег трусцой, и я похромала за ним, тихонько потирая ушибленное бедро.

Я узнавала эти коридоры. Когда-то давно я была здесь: после семи лет в музыкалке, класс фортепиано, в одном из

кабинетов я сдавала экзамен, сидя за старым чёрным роялем. Я вспомнила этот паркет и эти стены. Сливочно-жёлтую краску. Коричневый отциклёванный пол. Круглые дешёвые люстры над головой — остались целыми ещё с советских времён, правда, часть плафонов уже разбита. Но здесь не было ни одной двери, и сам коридор, запущенный и длинный, казался кишкой навтыжку.

Желудком чудовища.

Вдруг что-то в отдалении мелькнуло красным. Шорох встрепенулся и припустил бегом: я за ним. Дыхание с хрипом вырывалось из груди, я больше не могла бежать. Казалось, если сделаю ещё хоть один шаг — упаду! Но Шорох упорно волочил меня за собой. А когда я увидела прорубленную в стене дверь, единственную дверь, залитую багровым, открылось второе дыхание.

Была проблема: коридор удлинялся по мере того, как мы приближались к двери. За нашими спинами с громким хлопком разбилась люстра, затем другая. Коридор канул во тьму, но мы быстро выбежали из неё и пустились дальше.

Бах!

Это грянул ещё один стеклянный плафон.

Бах! Бах!

По пятам лампы на потолке лопались, обжигая наши спины калёной тьмой. Она напознала, совсем как живая, на стены. Я обернулась и увидела, что коридор за нами скрутило в тугую спираль. Пол под ногами тряхнуло.

Дверь была пусть ненамного, но ближе.

— Не останавливайся! — прокричала я, задыхаясь. — Беги!

Шорох мотнул головой. Коридор заволновался, как море при шторме, и тогда он снова сжал в руке свой пистолет. Он взглянул назад.

Тьма завопила на разные голоса: там были и детские, и женские крики, и карканье старух, и мужской вой. Не целясь, Шорох выстрелил, и голоса захлебнулись монотонным гулом:

— ЗАЧЕМ ВЫ БЕЖИТЕЛУЧШЕОСТАТЬСЯЗДЕСЬНАВСЕГДАНАВСЕГДАНАВСЕГДА...

Что-то отделилось от пола и потолка и протянуло за нами десятки рук. Внутри стен забарабанило множеством кулаков. Из своего заточения те, кто когда-то был заточён здесь, намеревались выбраться, чтобы утащить нас с собой. Сделать частью страшного коридора. Поселить под слоем штукатурки и краски.

Дверь была всё ближе. Она алела прямоугольником почти перед глазами. Добежать до неё было трудно: лёгкие горели, будто их подожгли из зажигалки.

Шорох сцапал меня на руки.

— Я не...

Он рванул вперёд. До двери — всего несколько шагов.

-... брошу тебя здесь...

Я знаю, что это не так, и каждый раз покидаю, оставляя сражаться с моими ночными кошмарами.

Сегодня против него — целый живой коридор.

С потолка что-то густо потекло на пол. Слюна? Желчь? Шорох увернулся от мутной огромной капли.

Ещё рывок. Ещё.

— Я тебя не оставлю!

Он не слушал и не спрашивал. Подлетев к двери, молча разжал руки и толкнул меня в спину.

— Нет!

Я начала падение в беспробудный красный колодец, оставленная своим защитником. Я знала, что пробуждаюсь. Там, из ниоткуда, донёсся влажный многоголосый шёпот:

— Она придёт с-нова...

Счёт от десяти к одному всегда помогал проснуться. Красный калейдоскоп вертелся, будто я была Алисой, упавшей в кроличью нору.

— Десять.

Колодец сузился.

— Девять.

Он стал узким и тесным, как кольцо.

— Восемь.

Мир разделился на чёрное и алое. Два цвета — и больше ничего.

— Семь.

Из пустоты начали проявляться первые очертания знако-

мых предметов. Я падала вверх — в этом не было логики, во всяком случае, в Красном мире.

— Шесть.

Я едва угадала, как выглядит моя кровать.

— Пять.

И дверцы шкафа, распахнутые настежь.

— Четыре.

Колодезная дыра наверху завращалась быстрее, сжимаясь, как желудок при желчной судороге.

— Три.

Короткая вспышка света заставила зажмурить глаза.

— Два.

Меня ударило о стену, припечатало бедром обо что-то острое. Некстати мелькнуло, что будет синяк.

— Один.

Мир завращался и схлопнулся. Меня крюком подцепило под живот и потащило вверх. И там, немилосердно швырнув на кровать, наконец стихло, смолкло и оставило в покое.

Я тревожно села в постели, затем обернулась к шифоньеру.

Как и каждый раз наутро, дверцы сами по себе медленно закрывались, словно створы в сказочный ларец. И после, погасив сияние Красного мира, двери захлопнулись с громким стуком.

Там, за ними, остался тот, с кем мы начали долгий путь. Тот самый, что привёл меня сюда.

Глава пятая. Луна-парк

Кап... Кап... Кап...

Медленно подкапывал кран в ванной комнате.

Капли тихонько стучали в стертую и некогда белую эмаль, убаюкивали, успокаивали.

Кап... Кап... Кап...

Веки смыкались, сон приходил, как я ни старалась его отсрочить.

Снаружи шёл дождь, ветер не беспокоил кроны чёрных тополей.

Кап... кап... Кап... Кап... Кап...

Медленно подкапывал кран в ванной комнате. Капли тихонько стучали в стертую и некогда белую эмаль, убаюкивали, успокаивали.

Кап... Кап... Кап...

Веки смыкались, сон приходил, как я ни старалась его отсрочить.

Снаружи шёл дождь, ветер не беспокоил кроны чёрных тополей.

Кап... кап... кап...

Неполная Луна смотрит в окно, то прячась за темными тучами, то снова показываясь. Я лишь прикрою глаза. Это ненадолго. Моего лица коснулся алый свет, знакомо скрип-

нули старые петли. Шкаф медленно открылся, разговаривая с тишиной на все лады скрипом старой древесины.

Я и сама не заметила, как окунулась в вязкую, мягкую полутьму, удобную, как тёплое одеяло. Каждая клеточка тела расслабилась, и, отпустив сознание, я наконец по-настоящему уснула.

Во сне был пасмурный, серый день. Я шла куда-то по заросшей дороге, сперва — без цели, осматриваясь и не видя в густом тумане никаких очертаний и не задаваясь вопросом, отчего.

Во снах непроглядный туман был частью Красного мира, словно кто-то незримый, какой-то глобальный интеллект или жестокий бог здешнего места моделировал реальность, позволяя мне приглядеться и привыкнуть. Это как необходимая фора игрокам в прятки, когда тебе дают нужный счёт на двадцать, в ходе которого более могущественный, чем ты, вóда, позволяет спрятаться под кроватью. Наивный выбор.

Дорога поднималась вверх и опускалась вниз, снова и снова, точно я шла с холма и поднималась в холм, пока из ничего не выплыли вересковые пустоши. Где-то вдали в тумане пролетел белый воздушный шарик — и исчез, подавшись вверх и, словно маленькая сияющая точка, осветив собой высокие жилые дома, похожие на скалистые стены каньона. Окна в них были темны и безжизненны, и сами они выглядели как театральные декорации. Толкни — и рухнут.

Я опустила взгляд и впереди уловила движение. Враз весь

туман раздвинулся, точно это сделали чьи-то гигантские руки, и передо мной открылся раскинувшийся Луна-парк.

Мерцающие огни аттракционов и каруселей в тумане было совсем не видно, но сейчас, когда он отступил, они вертелись и сверкали, ярко и маняще, как новогодняя гирлянда. Колесо обозрения медленно вращалось, катая посетителей, желающих осмотреть окрестности с высоты. Летающие слоны — пластиковые и улыбчивые — то подымались, то опускались на рычагах, плавно, как по волнам. На большой и яркой платформе, украшенной крупными жемчужинами, силуэтами дельфинов, крабов и морских коньков, сталкивались большие перламутровые раковины, в которых весело визжали гости.

Я задумчиво посмотрела на аттракционы. Хотела бы я посетить хоть один?

Но пока эта мысль возникла у меня в голове, я уже оказалась вместо пустоши у ворот, где меня встречала дама с пуделем и в клоунском носе, а также маленький Пьеро.

— Один билет до Луны без обратно, — проскрипела дама и выдала мне пустой листочек бумаги.

Я повертела его в руке: он был абсолютно чистым, маленьким, наподобие визитки.

На билете должно быть что-то написано, здесь же ничего нет.

— А... — я попыталась спросить у дамы, но она лишь быстренько отвернулась и принялась в пустоту предлагать

новый билет.

Чик! И билетик взяли из её рук, а дальше он словно сам по себе поплыл в сторону аттракционов.

Ну что ж, тогда и мне пора туда.

Повинуясь странному желанию прогуляться по парку, я, как и всегда, в любом сне, чувствовала, что действую по заранее предписанному сценарию. Словно за меня всё уже предрешили, и раз уж я здесь, то не стоит терять такой возможности, чтобы...

— Прокатитесь на аттракционе «Царство Посейдона»? — спросил у меня высокий человек, прячущий лицо под шляпой. Я поморщилась.

— Я не очень хочу, спасибо...

— Чтобы кататься, нужна пара, — продолжил он. В его голосе чувствовалась улыбка. — У вас есть пара?

— Нет, я одна, — я хотела уйти, но странным делом позади меня возник и захлопнулся турникет.

Я растеряно заозиралась, и неведь откуда взявшаяся позади очередь — очень длинная очередь, вставшая колонной — вдруг начала недовольно ворчать и роптать.

Странные безликие люди, показавшиеся мне слишком одинаковыми на вид.

— Пройдите и сядьте, ракушка номер четыре, — настоятельно посоветовал «шляпа».

Я придерживалась рукой за металлический блестящий поручень и шагнула наверх, на подбитую железом платформу.

Это только с земли она казалась невысокой, по сравнению с парящим Дамбо или колесом обозрения. На деле же, отсюда был виден практически весь Луна-парк.

Раковина номер четыре стояла ко мне развёрнутой задней частью, и пришлось обойти её и втиснуться между неожиданно тесно прилегающей ручкой и сиденьем из потрепанного яркого пластика, покрашенного перламутром. Мне пришлось вдохнуть поглубже и втянуть живот, чтобы упасть в кабинку, больно ударившись о жёстко сиденье. Потерев поясницу, я проворчала:

— Кто только придумал такие узкие констру... а-а-а!

Чёрный силуэт рядом со мной — откуда он взялся, кабинка была пуста?! — молча отшатнулся и вжался спиной в другую часть сиденья. Готова поклясться, его здесь секундой назад не было! Но спустя ещё мгновение я облегченно выдохнула, и испуг перестал сдавливать горло.

— Шорох! — простонала я, держась за грудь. — Мерзкий ты засранец... ты как здесь очутился? Обязательно было так меня пугать?

Шорох развел руками. Его физиономия приобрела крайне удрученное выражение. Вечный оскал клыкастой пасти, словно парящей в черноте капюшона на месте губ, кажется, и тот поукас. А красные глаза, что светились не хуже лампочек над головами прохожих, трагически сощурились.

Шорох всем своим видом показывал, как он сожалеет. Вот ни грамма ему не верю.

Он любит эффектные появления.

— Я решила прокатиться, а ты чего забыл?

Он бодро похлопал по поручню и продемонстрировал, усевшись поудобнее и вальяжно раздвинув ноги, ремень безопасности, уже застёгнутый на талии, а затем по-свойски закинул одну руку мне на плечо.

— А, да, — вспомнила я слова работника Луна-парка, — для катания нужна пара.

Довольный Шорох кивнул, подтвердив мои догадки. Тем временем, из громкоговорителей заиграла бодрая старомодная музыка, и карусель под нами дрогнула.

Шорох спохватился, торопливо застегнул на мне не внушающий доверия, ветхий и местами перетёртый ремень безопасности и озадаченно округлил глаза, когда поручни с лязгом больно упали всей своей тяжестью нам на колени, автоматически лишая возможности встать и уйти.

Или сбежать.

Мы с Шорохом молча переглянулись. А затем он принял-ся с удвоенной силой дёргать вверх противную ручку.

— Дамы и господа! Товарищи! Леди и не-леди! — бодро вещал громкоговоритель, и я замерла, перестав терзать поручень. — Добро пожаловать на аттракцион «Царство Посейдона!». Вижу, что, к сожалению, у всех вас есть пары. А впрочем... нет-нет, у ракушки номер два пара так и не нашлась. Я ведь предупреждал, что для катания нужна пара.

С оглушительным грохотом, от которого я вскрикнула,

створы гигантской жемчужной ракушки сомкнулись, проглотив растерянную женщину в кудрях, придавленную к месту поручнем, как и все остальные. В ужасе, мы с Шорохом крепко вцепились друг другу в руки, не отрывая глаз от чудовищной ракушки, снова медленно разомкнувшейся, как ни в чём не бывало. Вместо человека, на пластиковом «язычке» лежал шматок мяса, крови и волос.

— Все остальные? — бодро спросил громкоговоритель.
— Готовы прокатиться?

Наши возражения бы явно не приняли. Шорох молча обнял меня за талию и другой рукой впился в поручень. Я поступила так же, стиснув его до боли в пальцах.

— Тогда не говорите потом, что вам до смерти не понравилось!

За Шекспиром вслед люди часто повторяют, что наша жизнь — театр.

В театре не дают представлений без трёх звонков. Красный мир похож на театр в этом смысле.

Первый звонок — двери открылись.

Второй звонок — займите ваши места.

Третий — последний — кто не успел, тот не войдёт и не выйдет.

Шоу начинается.

Когда случился первый звонок? Дать точный ответ чертовски трудно, как и трудно сказать, в какой день тот мир однажды спутался и смешался с этим. Может, теперь я назвала бы ночь, когда привиделся тот кошмар с Рукой. Рука являлась мне не раз и была моим врагом, и было бы разумно подумать именно так. Мы всегда привязываем одни важные события к другим. Но я, иногда думая об этом, прежде сказала бы иначе.

Это случилось третьего ноября две тысячи одиннадцатого. Тогда я училась на третьем курсе филологии. Хотела попасть на журналистику, но хотеть и сделать — совсем не одно и то же.

Помню как сейчас то утро — мутное, тошное. Я вскочила, вся в поту, и откинула тяжёлое ватное одеяло. Села на кровати и поняла, какой мокрой была под ним. Кожу сразу обожгло холодом: из деревянного старого окна сквозило, за ночь комната остыла, а отопление пока не дали. Я уткнулась лбом в ладонь, желая то ли упасть на подушки и нормально выспаться, то ли согреться под душем и смыть с себя очередной кошмар, который стёрся из памяти почти сразу, с пробуждением.

Это были такие дни, когда кошмары начали сниться мне каждую ночь.

Голова тяжёлая, на ней тоже бардак. Мне было так плохо, что хотелось куда-нибудь деться, испариться, как щелчок пальцами в воздухе. Чёртовы сны и чёртовы ночи.

— Соня! — вдруг позвали меня из кухни.

А казалось — откуда-то из другого мира.

Я не ответила и с ненавистью посмотрела на грёбанный старый шифоньер. Он был здесь, сколько себя помнила, и каждую ночь отворял мне двери в Красный мир, в страшный мир. В чёрной глубине среди вешалок с моими свитерами, толстовками, платьями и куртками, между полок со свёрнутым в рулет одеялом, коробками из-под компьютера и кучей, целой кучей всего другого, маловажного и почти ненужного, между большим ящиком с отцовскими инструментами и корзинкой, полной разноцветных клубков для вязания, что-то ворочалось и незримо растворялось. А потом, из ниоткуда, появлялся густым пурпурным мазком свет, далёкий и манкий. Всё вокруг погружалось в густую тишину. Хочешь ты или нет, ноги обычно сами ведут туда.

— Ты встала?! Будильник сработал уже в пятый раз! — крикнула сестра.

— Да, — простонала я в ответ.

Пока ей не ответишь, не отстанет. Любите ли вы педантичных людей? Возможно, потому, что не отношу себя к ним, не могу их понять. Это для меня существа с другой планеты, непонятные совершенно. Вот Ева с её привычками. Мало ей контролировать по пунктам собственную жизнь, она бралась ещё за меня. И ладно бы обязательная — это ещё пол-беды. Параноидальная — это уже беда. Она была из категории тех людей, что по десятку раз проверяют, выключены ли из розет-

ки уют и тостер. Каждый день у входной двери она бормотала «Хлеб с маслом!» себе под нос, вычитав в книжке, что это помогает от забывчивости. Что говорить, у неё на рабочем столе даже маркеры были разложены по цветам. Теперь-то ты можешь поверить, что она не совсем человек, верно?

— Что — «да»? — прокричала она. — Это я на учёбу опаздываю или всё же ты?

Жить с обязательными людьми сложно и почти невозможно, но я справлялась уже который год.

— Пускай я, но, заметь, — не опаздываю, а всего лишь задерживаюсь.

Я встала и неохотно подошла к окну. Погода не предвещала ничего хорошего. Небо набухло дождём. В маленькой форточке, в которую с начала осени всегда сифонило, оно было совсем лиловым. Где-то вдали ворочались тяжёлые от сырости тучи. Ноябрь во всём своём великолепии — с червлёно-золотыми деревьями, с низким небом, с густым запахом земли и сырости в воздухе; сегодня, как и каждую осень, в подъезде будет сильнее прочего тянуть подвалом.

Я поплелась на кухню прямо в старой широкой футболке с беленьким котёнком, наклеенным на груди и уже потрескавшимся от времени и частых стирок, и захватила с полки книжку, чтобы почитать за кофе. Квартира у нас была маленькая. Ну впрочем, ты и сам всё хорошо помнишь. Несмотря на габариты, мы жили в ней вчетвером и не жаловались. Это сейчас людям зачем-то нужно собственное про-

странство и много места — может, чтобы быть подальше друг от друга? Это многое объясняет.

— Все уже ушли на работу, — охотно сообщила Ева и отпила свой кофе.

Она была уже собрана и просматривала рабочие документы, разложенные веером напротив. Я бросила книжку на стол рядом с ними. Да, мы с ней не два сапога пара, даже внешне — и то непохожи, что говорить про характеры. Родители шутили, что кого-то из нас явно подменили в роддоме. Что иронично, намекали совсем не на меня, я была копия отец — темноволосый, загорелый, веснушчатый. Не чета тонкой белокурой Еве.

В квартире было тихо. Где-то за окном проезжали редкие машины. Кухня хранила следы утренних сборов. Мамина немытая кружка из-под молока так и осталась стоять на столе. Отцовская, напротив, была в шкафу, как и положено. Я взяла свою кружку («Спасите дельфинов Черноморского побережья!» — жизнерадостно гласила надпись на ней и демонстрировала улыбчивую дельфинью морду среди бирюзовых волн). Заложила пальцем «Бессонницу» Кинга и загнув уголок странички, снова положила книгу на стол. Если б только Ева знала, что у неё на первой странице — библиотечный формуляр...

— А ты куда такая нарядная? — я насыпала кофейные гранулы, целую ложку, и наблюдала, как под струёй кипятка из чайника они растворяются в коричневую пыль.

У чайника был начищенный серебристый бок. В нём — я видела — сестра оторвалась от бумаг и фыркнула:

— Ты точно опоздаешь.

— Перестань. Почитать утром — святое дело, а уж если первая пара сама собой прогуляется... — я ехидно улыбнулась, посмотрев на неё через плечо.

Она недовольно нахмурилась и заметила, поправив в правом ухе красивую серёжку с крупным молочно-жёлтым янтарём:

— Странное у тебя отношение к учёбе.

— Это у меня странное? А ты вырядилась, будто на свидание собралась. Ты точно на работу поедешь?

Она опустила взгляд обратно, делая вид, что углубилась в документы. Ну как же. Я села напротив, осторожно поставила кружку на стол, чтоб не расплескать, и с удовольствием ощутила на лице обволакивающие клубы горячего пара.

— И платье-то надела, и украшения... а это разве не мамин браслет?

Ева быстро накрыла рукой большой медово-матовый янтарь на запястье, обрамлённый в серебро, и огрызнулась:

— Читай свои ужастики и не мешай.

— Так что, правда на свидание?

Она со вздохом захлопнула крышку ноутбука и чуть подалась грудью на стол. Пристально посмотрела мне прямо в глаза. Всегда так делала, с самого детства — и сейчас наивно полагала, что я оробею. Но после ночных гляделок с Шоро-

хом меня вряд ли сможет смутить хоть чей-то взгляд.

— Не твоё дело, мартышка.

Это потому, что я родилась в год Обезьяны. Раньше злило, потом начала игнорировать, вот и сейчас пожала плечами:

— Как знаешь.

Она повнимательнее присмотрелась ко мне и пошла в атаку. Не зря говорят, лучшая защита — это нападение:

— Ты чего, ночью не спала?

— Ты такая ехидная, потому что сидишь на диете без сахара, — буркнула я.

— Ты такая бледная, потому что надо ложиться спать не в три часа ночи.

Строго говоря, она права... но мои привычки касаются только меня. Я же посещаю универ, сдаю сессии на отлично и хорошо, делаю, что надо, по дому.

— Я ложусь в три, потому что тоже имею право на свободное время.

— Ну конечно... — закатила глаза Ева. — И право на мешки под глазами имеешь тоже. Ты уже и так стала похожа на енота-полоскуна. Ладно. Пойду, чтоб не опоздать. На торгах лучше быть за час или полтора...

— И помочь Сергею Викторовичу с оформлением брошюры... — ехидно продолжила я, пока она не села на своего конька и не стала рассказывать о правилах ведения торгов.

— Соня! — процедила Ева, одёрнув несуществующие складки на юбке из костюмной ткани. — Лучше помолчи,

пока не получила!

Подражаться из-за ничего — это братья с сёстрами всегда за милую душу. Ты, наверное, не знаешь. Ты-то в семье был один. Любимый сынок. Серебряная ложка во рту. Все дела. Но вообще мы с ней всё делали без злости, если ты хочешь знать. Это обычное дело — пригрозить друг друга поколотить и даже не тронуть пальцем. Вот и Ева тогда быстро ополоснула чашку и ложку, бросила на меня взгляд с прищуром напоследок и сказала, очень укоризненно:

— Расчешись. Сидишь, лохматая, всё утро...

— Угу.

И вот я осталась одна. Покончив с нехитрым завтраком и прочитав с двадцатой страницы до сороковой, я убрала грязную посуду в мойку и взяла губку. Глядя, как поток воды в раковине медленно обтекал ладони и пальцы, я попыталась вспомнить, чем закончился сегодняшний сон, но ничего так сразу не вышло.

В коридоре скрипнула половица, я посмотрела в темноту.

— Ева?

Она не ответила. Наверное, уже ушла. Я сложила посуду в пластиковую сушилку на раковине и стряхнула пальцы от воды. Одной в квартире мне было не по себе. Всегда родные стены хранили шумы и шорохи, скрипы и вздохи сквозняка, и я заторопилась. Быстро умылась, стараясь не смотреться в зеркало, надела водолазку, жилетку и джинсы. Обула мартинсы и нацепила куртку, стараясь побыстрее убраться

из дома.

Когда вечером он будет полон голосов моих близких, станет куда легче снова считать его родным. А пока он словно безмолвно наблюдал за мной.

Закрывая дверь ключом, я по инерции обернулась и посмотрела в коридор и в приоткрытую дверь своей комнаты. Там снова тихо скрипнуло, будто кто-то переступил с ноги на ногу. Поджав губы, я быстро вышла в подъезд и заперла дом.

И некоторые свои страхи в нём.

Ноябрьское утро смотрело в подъездные окна, мир снаружи был льдистым, сухим и серым. Я спешно спустилась вниз по лестнице, стараясь игнорировать аккуратную коричневую дверь на втором этаже старой сталинки. Когда миновала её, вылетела пулей в тамбур с залитым бетоном подвалом, и уже оттуда — бегом на улицу. Казалось, за мной кто-то шёл. Сердце колотилось как сумасшедшее.

Я развернулась на пятках и посмотрела в подъездные окна, скользнула со второго этажа до пятого взглядом и выдохнула, понимая, что там никого нет.

А кого я ожидала увидеть?

Вся моя жизнь, если ты этого не знал, как бы делится на отдельные фрагменты, которые я дроблю по категориям «неприятно-страшно-жутко-кошмар».

Коричневая соседская дверь на втором этаже относилась к категории «жутко». С виду простенькая, вполне среднестатистическая, с хорошими замками, глядящая глазком прямо

на лестницу, спускающуюся к почтовым ящикам.

Вспомнилось — отдалённо — неприятное, душное, отдающее в ноздри старушечьим запахом, и тут же развеялось, когда я отвернулась от дома.

Я двинулась за угол бодрым шагом, прошла вдоль гимназии, мимо полуразрушенного каменного забора с кованым чугунным частоколом между колонн и, про себя подпевая музыке из наушников, вышла на малооживлённую улицу, двигаясь к автобусной остановке.

Мой путь пролегал через большую постройку советского типа. Это был низко стелющийся в один этаж Дворец спорта с мозаичной фреской на стене, которая изображала метателя дискобола и атлетку. На серое здание я привычно посмотрела лишь мельком... но тут же взгляд зацепился за другое, буквально споткнувшись, и я встала как вкопанная, не дойдя до светофора метров пять.

На большой площади перед Дворцом стояло множество трейлеров с фургонами, из которых рабочие выгружали для монтажа яркие, красочные поддоны, основы для каруселей и пластиковых персонажей мультфильмов.

Установленные высокие ворота, не прикреплённые к хоть какому забору, были украшены большими желтыми буквами:

ЛУНА-ПАРК

Нахлынули детские воспоминания.

— Соня, смотри, Луна-парк приехал!

— Ого!

— Смотри, какие карусели!

— Пап, а может, сходим? Пап. Давай сходим!

— Только если ненадолго... и маме не говори.

Эхо собственного детского счастливого смеха отзвучало в моих ушах, пронеслось через годы, привезённое вместе с этими фургонами и каруселями. Я внимательно всмотрелась в аттракционы, спрятанные под грубые старые брезентовые чехлы.

На большие трейлеры, переделанные под «Дом ужасов» и «Комнату смеха» с кривыми зеркалами. На улыбчивую морду слона Дамбо, которого превратили в несколько одинаковых кабин и установили одного за другим на рычагах ржавой карусели.

Парк аттракционов должен дарить радость и улыбки. Здесь должно пахнуть сахарной ватой, сладким карамельным попкорном. Обычно слышен детский смех и восклицания взрослых, пулевые выстрелы в тирах и возгласы разочарования, когда становится ясно — большую игрушку уже не выиграть. Здесь гремит музыка, здесь жгут по вечерам бенгальские огни.

Это место, где из темноты на тебя смотрят созданные дарить радость и улыбки стальные чудовища, поскрипывающие старыми креплениями, соединённые винтами и гайками, ненадёжные, яркие и опасные, с намалёванными приторными улыбками. Ты покупаешься на всё это

хотя тебе с детства внушали: самые опасные люди — те, что улыбаются и предлагают конфеты или посмотреть на миленького котёнка, он вон там, в машине, не бойся, мы быстро и садишься в пластиковое красное кресло, пытаешься крепче затянуть тоненькие ремни безопасности куда менее безопасные, чем в старой отцовской машине.

Потом проходят дни, недели, и ты видишь статьи и заголовки в сети или газетах:

«В Ижевске на аттракционе «Луна» в летнем саду им. Горького ижевчанка 19 лет получила травмы, вследствие чего на её теле остались кровоподтёки. По её словам, при раскачивании фиксатор плохо держался на плечах, хотя должен плотно прилегать к телу и прижимать к сиденью во избежание любых травм и опасных ситуаций...»

Или:

«Сначала всё было в порядке: я много раз каталась на «Спелой вишне». Оператор опустил фиксатор и закрутил карабин, после чего запустил аттракцион. Я заметила: аттракцион начал раскачиваться, и сразу подумала — что-то идёт не так...»

Ещё пишут другое:

«Посетительница получила тяжёлые травмы головы и конечностей, не совместимые с жизнью...»

«В эти выходные трагически закончилось посещение нового Луна-парка в Казани. Подросток 14 лет получил смертельные ранения в 22:30 при посещении аттракциона «Сол-

нышко». По непонятным причинам, он выпал из сиденья и упал с большой высоты. Врачи местной больницы отчаянно боролись за жизнь, но спасти так и не...»

«... врезалась в столб и нанесла увечья матери (47 лет) и сыну (17 лет). Инцидент расследуется, пока не удалось выяснить, каким образом вагонетка соскочила с рельс...»

У железа нет плоти и крови, но я читала однажды, что учёные обнаружили остаточную энергию в разных предметах.

Готова спорить, у каждого из нас есть своя «счастливая вещь» или талисман. Любимая футболка, в которой сдаёшь как заклятый каждый экзамен, даже если не учил. Или особые числа, которые приносят удачу.

Машина-утопленница бежит из рук вон плохо не только потому, что была неправильно починена: новые владельцы говорят, в салоне такого авто неприятно находиться. Кто-то слышит там запах смерти.

А вещи, снятые с покойников?

Любопытно, ту вагонетку, где уже была однажды пролита человеческая кровь, выправили молотком? По ней постучали со всех боков, куда пришёлся удар и остались вмятины, как на пнутой консервной банке, подкрасили красками поряче и поставили снова на рельсы аттракциона-убийцы?

Или то сиденье, с которого соскользнула в последний полёт девочка, так и катает других детей?

Красный свет светофорных глаз бликовал в лужах и на сером асфальте алым маревом. Я посмотрела в безразличные

лица грузчиков, отбросила все мысли прочь и пошла дальше, чтобы показаться такой же безразличной, как они.

Потому что вспомнила свой сон.

Глава шестая. Квартира номер тридцать пять

— Хотя бы на третью пару ты пришла, — это была Смуглова: она недовольно убрала сумку с моего стула. — Что так?

— Решила порадовать нас своим присутствием? — а это — Жека Кривцов. Он лёг грудью на парту и придвинулся ко мне так, что обдал дыханием щёку.

Я деловито отодвинула его физиономию, уперев ладонь в гладкий мальчишеский лоб под каштановыми кудрями.

— Не лезь, — сказала Света, но я знала, что он ей ужасно нравится.

— На первые две пары какой смысл идти? Сдвоенная социология, — я фыркнула. — Так и так получим по зачёту, а по ДРЯНИ — экзамен...

Дрянью мы называли древнерусский язык. В расписаниях деканат сокращал его до ДРЯ, ну а дрянь прицепилась сама собой. Ведь взаправду более редкостной гадости найти для студента было невозможно. Продираясь через ошибки в написании слов и букв, подробно изучая исторические письменные документы того времени, дошедшие до нас, мы дружно желали, чтобы все до единой Берестяные грамоты были некогда сожжены в новгородском пламени, но чёрта с

два — нашей задачей было изучать по ним фонетику, лексику и морфологию живого языка, существовавшего на территории Новгорода, Торжка и Старой Руссы. Старославянский с первого курса — и тот не казался таким жутким.

Дрянь, одним словом.

И от дряни этой деться было некуда.

Профессор Стеблева, Таисия Афанасьевна — и упаси Господи назвать её Афанасией Таисьевной, как неизобретательно дразнились все старшекурсники — прямая узкая женщина с прямоугольными очками на кончике носа и в неизменно мужского стиля чёрном костюме

иногда она сменяла его на праздничный серый в чёрную полосу

энергично вошла в аудиторию.

Едва за ней закрылась дверь, все смолкли. Мои одногруппники неохотно расползлись по своим местам.

Она прошла к кафедре, поставила на полку старую, видавшую виды коричневую сумку под крокодила и недобро посмотрела на нас сквозь очки. Они из-за солнца блестели так, что глаз было не видно.

— Лексикографические работы в области древнерусского языка.

Она всегда так: только зайдёт — и сразу без вступлений: ни привет, ни пока, говорит по теме. Мы уже к этому привыкли.

Третьекурсника филологического факультета после двух

семестров древнегреческого, честно говоря, вообще трудно чем-то удивить.

— Лексикографические источники изучения исторического русского словообразования с одиннадцатый по шестнадцатый века были охарактеризованы примерным характером изучения письменности по сохранившимся и зафиксированным источникам...

Все склонили головы, быстро конспектируя лекцию. На задних партах пара человек резалась в «виселицу». Смуглова, как обычно, писала красиво и не успевала. Потом опять будет просить мой конспект. Жека за спиной скрипел ручкой так, что я почти слышала, с каким усилием он жмёт на бумагу. Айару, наша староста, строчила как пулемёт и вскидывала голову каждый раз, как заканчивала строчку, при этом с её короткого носа сползали очки.

— В качестве примера издания, единственно сохранившего лексику того временного периода, отметим словарь Срезневского, содержащего сведения не только о лексической, но и о словообразовательной системе древнерусского языка...

Ноябрьское солнце бледно светило в высокие пыльные окна. Аудитория была вся заполнена клубами этой воздушной, лёгкой пыли, парящей в столбах света. Со второго этажа были хорошо видны голые верхушки деревьев и кое-где — коричневые листья на чёрных ветках.

Таисия журчала и усыпляла; словари, Срезневский и де-

ривационные системы плясали по странице тетрадки, и меня начало клонить в сон. Подперев щёку рукой и стараясь не уснуть, я уже гораздо ленивее водила ручкой по строке, и очень скоро слово «диахронический» скрючилось и уползло вниз...

— Не спи! — шикнула Смуглова и ткнула меня в плечо.

— Я и не думала, — зло шепнула я в ответ и встрепенулась.

Таисия расхаживала по невысокой ступеньке перед доской, где помечала узким, как она сама, почерком некоторые важные даты. Срезневский мне был глубоко безразличен, и как человек, и как будущая экзаменационная тема, но я прилежно записывала, изредка поглядывая на наручные часы.

Но даже при должном усердии от начала пары прошло только двадцать пять минут. Я устало потёрла лоб и снова подперла рукой щёку.

Таисия начала рассказывать, как этот самый Измаил Срезневский родился в семье профессора кафедры словесности древних языков и российского красноречия Демидовского училища высших наук. Какой кошмар. У парня совершенно не было выбора пойти по другой стезе. Таисия тут же добавила, что, когда мальчику было десять, отец его умер, но тут подключилась мать, и из Измаила начали лепить сначала литератора, затем философа, а уже после — языковеда... Беда.

Пока я и вся аудитория, кроме дотошной Айару, изнывала

от скуки, профессор Стеблева попросила двух студентов закрыть окна жалюзи, а затем выключила свет. Сразу воцарилась тишина. Жужжащие накалённые лампы в круглых советских светильниках погасли, облупленная голубая краска в стенах нашего высшего учебного стала тускло-серой. Аудитория погрузилась во тьму, а мы — из полудрёмы в здоровый сон.

Профессор прошла в самый конец, к шкафам, постукивая каблуками старых ботинок. Несмотря на то, что они, и сумка, и костюм были, наверно, уже ровесниками Срезневского, Таисия держалась очень гордо и на очевидную свою бедность не обращала внимания — ни нашего, ни своего. Она усадила Клёвлову Машу, пухленькую и мало что соображавшую, за старый, советский ещё фильмоскоп, который иначе называли диапроектором. На доске показалась маленькая и размытая картинка.

Раздувая тонкие ноздри, Таисия велела Маше «сделать что-нибудь с резкостью» и прошла к доске.

Маша начала что-то растерянно подкручивать сбоку аппарата.

— Вы видите сейчас литографию Измаила Ивановича Срезневского, сделанную по рисунку его друга, художника Ванифатьева, в тысяча восемьсот пятьдесят четвёртом году...

Айару сняла чёрно-белый портрет коротко стриженного брюнета с интеллектуальным лицом и жёсткой складкой рта

на телефон. Смуглова откинулась на спинку стула, под партой пытаясь незаметно полазить в сети. А я прикрыла глаза.

Я чертовски устала и очень хочу спать. Всего на секунду просто сомкнуть веки, сделать глубокий вдох и выдох. Каждое слово Таисии звучало сначала громко, потом отдавалось эхом всё дальше и дальше от меня. Когда я просыпалась, голос снова был ясным и чётким. Это похоже на то, как слышишь звуки под водой и над водой.

Снимки сменялись, тени от них плясали на стенах. Мои веки словно силой смыкались. Я ощутила, что тело теряет вес, и вздрогнула, снова проснувшись.

Она уже поменяла картинку на какого-то бородача с проседью в усах и на висках. Это был тоже Срезневский, но постаревший на пятнадцать лет.

Пощёлкивание меняющихся слайдов убаюкивало, стрёкот фильмоскопа походил на сверчков, если не вслушиваться. Этот день давил и теснил меня, и я, прежде, чем совсем выключиться, почему-то подумала: сейчас мне приснится что-то нехорошее.

Знакомо ли тебе такое чувство, когда ты, засыпая и закрывая глаза, летишь во тьму, кружась и проваливаясь спиной вперед, с таким чувством, что падаешь в пустоту? От этого сердце замирает и подкашиваются ноги, и ты резко вздраги-

ваешь всем телом и открываешь глаза...

Просыпаясь уже не там, где заснула.

Я осмотрелась... где я?

Странное место для моих снов. Оно не похоже на те места, в которых я обычно бываю.

Мир вокруг залит солнцем, таким ярким, что свет режет глаза, и мне приходится часто моргать, болезненно щурясь и слепо глядя по сторонам.

Бескрайние зеленые поля бархатными холмами то поднимались к небу, то опускались. Голубой небесный купол покрывали белые ватные облака. Ветерок гнал их по небу, и тени падали на холмы. Зрелище — величественное, такой неопишуемой красоты, что я невольно засмотрелась, разинув рот. Это всё очень похоже на что-то: но на что? Я затрудняюсь ответить на этот вопрос, хотя место кажется мне ужасно знакомым.

Я задумчиво иду вниз с холма, каждый шаг дается легко, воздух свежий и дурманящий, и я глубоко дышу полной грудью, понимая, что бодрость моя испаряется слишком быстро, и я просто пьянею от такого кристально чистого воздуха и сладковатого запаха свежескошенной травы.

Каждый раз бы мне такой красивый сон...

Я невольно содрогнулась, вспомнив остальные свои видения, чаще всего — с участием Шороха... и мне стало жутко не по себе. Даже как-то поразительно, что сегодня все так тихо и спокойно. Поразительно и подозрительно.

Я спустилась по холму и залюбовалась природой, а мозг механически отмечал: такие травы, и ни одного кузнечика, ни одной бабочки. Почему?

Вокруг тишина... В небе не летают птицы.

Я вспомнила, что в каждом кошмаре рано или поздно появляются свои законы, и, так или иначе, однажды, правда, с долгим опозданием, появляется Шорох. Опоздать он всегда любит. И где его каждый раз носит, интересно?

Тогда, прогуливаясь по зелёным холмам и живописным склонам, я задумчиво смотрела на несомненно прекрасную, но какую-то неживую, ненастоящую, пластиковую природу, идеально вылизанную, точно красивая картинка на заставке монитора... Вверх и вниз. Вниз и наоборот... Как гудят мои ноги.

Воздух уже не пьянил: дышать становилось тяжелее, и я утирала со лба выступившие капельки пота, потихоньку думая, как отсюда выбраться. Обычно сон прекращался сам по себе, когда я избивала какую-то проблему... находила дверь... или когда

в случае, если это кошмар

я испытывала весь комплекс профилактических мер по собственному испугу, которые регулярно заканчивались полётом во мглу.

Вдруг на вершине холма, на который я уже замучилась взбираться, что-то блеснуло. Что это может быть? Изумленная и озадаченная, я решила посмотреть внимательнее: ясно

же видела, что на холме ничего нет. Мной овладел непонятный интерес, так что я немного ускорила — и вдруг очень легко взбежала на холм по траве, замирая на самом подъёме от неожиданности.

Это что, зеркало? И впрямь, оно... Только что оно тут делает?

Большое, тёмное, гладкое, до кристальной чистоты натертое зеркало плоской, тончайшей черной линией выросло прямо из-под земли и пока не отражало ничего: ни облаков, ни холмов, ни долины...

Странно это.

Я медленно подошла к зеркалу и обогнула его кругом, уверившись в том, что никакой точки опоры, кроме как холм, у этого волшебного отражателя нет. Любопытно было заглянуть в темные глубины и увидеть там что-то... что?

Меня манило и тянуло туда, и я, не особенно сопротивляясь, как по инерции подошла к гладкой поверхности и вгляделась в нее, слегка ошарашенная, поскольку там хоть и отражалась ожидаемо я, но... это была вместе с тем ни разу не я.

Не понимая, откуда взялось это твердое ощущение ложности отражения, я смотрела на своё точное отражение в темной поверхности — медленно поднимая руку к губам и так же медленно опустив.

Я смотрела на тёмные волнистые волосы и растерянное лицо, на простенькое чёрное платье, в котором была вместо

обычной одежды, на медленные, неловкие движения. И чувствовала, просто нутром чувствовала, что что-то здесь не то и не так.

Продолжая двигаться перед зеркалом, я никак не понимала, что же меня так смущает. И всё же, пусть на первый взгляд всё с ним было в порядке, я вдруг заметила подвох.

Отражение отставало.

Неизбежно, неизбежно, постоянно отставало на какие-то сотые доли секунды, едва уловимые человеческим глазом. Когда я поднимала руку к подбородку, оно ещё держало эту же руку на уровне шеи. Когда вертела головой, повороты головы моего зеркального двойника были не столь резкими. А затем я похолодела, заметив, как дрогнула в отражении моя неподвижная, свисающая вдоль туловища правая рука.

По спине пробежали мурашки, и я недоверчиво замерла, глядя на своё же лицо и своё же тело. Всё такое знакомое и близкое.

Всё такое холодное и чужое.

«Это не я» — закралось подозрение, и я решила проверить его, подняла к губам ладонь.

Отражение сделало то же самое. Но тень улыбки — злобейшей, недоброй, исказившей на мгновение все лицо и сделавшей его нечеловечески страшным — промелькнула на губах двойника, и я невольно отшатнулась, понимая, что в зеркале стою вовсе не я.

Захотелось уйти.

Я попыталась оторвать взгляд от зеркала... бесполезно.

Словно эффект двадцать пятого кадра, каждый жест двойника, дублирующий мой собственный, очаровывал меня — гипнотизировал, заставлял стоять и вглядываться в зеркало, подходить всё ближе, и ближе, и ближе...

Вдруг отражение медленно заложило за спину руку. Я поняла: оно догадалось, что я что-то подозреваю, но не могла даже пошевелиться. Теперь вместо меня двигалось отражение, а я неподвижно стояла и могла лишь наблюдать.

Что у неё там, за спиной? Что она там держит? Я чуть прищурилась, желая взглянуть в зеркальную мглу...

На плечо мне легла тяжёлая рука, другая резко повернула голову вбок, держа за подбородок — и я увидела Шороха.

Как будто это мог быть кто-то другой!

— Ты в курсе, что не отражаешься в зеркале? — спросила я и удивилась, каким вялым был мой голос.

Он молча положил мою голову себе на чёрное плечо, покрытое курткой, и плавно увёл от зеркала прочь. Пару раз я хотела обернуться: он не дал. Настойчиво отворачивая меня раз за разом, он увлёк меня вниз по холму.

И с каждым шагом мне становилось всё легче.

Когда зеркало потерялось из виду, и когда мы скрылись за холмом, я почувствовала злобный, холодный взгляд в спину. Страх пробежал мурашками по рукам и спине.

И вот тогда Шорох побежал.

— Что случилось? — возмутилась я, едва поспевая за ним

и зная, что он, конечно, не ответит.

Он мчался очень легко, и казалось, даже не касался ногами земли. Он держал меня за руку и тянул за собой, как мощный тягач маленький вагончик вниз, вниз по холму, а потом — вверх на следующий. Трава под нашими ногами слилась в единое изумрудное пятно.

— Полегче, Шорох!

Шорох будто не слышал: бахрома на его куртке плясала за плечами, а сам он смотрел только вперёд. Но меня что-то заставило обернуться. Зря я это сделала. По спине побежал предательский холодок.

Ему не нужно было смотреть назад. Он точно знал, что было за спиной и от чего он убегал.

Холм мелькнул под нами и пропал, а вместо него мы бежали уже по воздуху. Я выпучилась на землю, оставшуюся внизу, но Шороха это не смущало — его мало что могло смутить на моей памяти. Он очень элегантно опустился на другой холм и потащил меня за собой.

Зеркало плыло за нами, приближаясь и сверля, как глазами, чёрным омутом стеклянной поверхности, а затем из него показались руки.

Одна, две, три, пять бледных пар.

Они выплыли из-под стекла и слепо потянулись за нами, и мне почудилось — они становятся всё длиннее и длиннее. И оттуда, из тёмного гладкого отражения, похожего на зеркало, на нас холодно смотрела зияющая пустота.

И оно настигло нас. Руки схватили меня поперёк туловища и рванули к себе с такой силой, что моя ладонь выскользнула из холодной руки. А Шороха, ринувшегося за мной, они стиснули со всех сторон, как в капканы. Я упала в зеркало, как в воду, и окунулась в отражение, потеряв способность дышать. Там было холодно. Так холодно, что горло сжало спазмом. я тонула в чёрной толще, словно в ледяном озере, и там, далеко наверху, видела, как десятки рук ударили Шороха спиной о зеркальную поверхность, пошедшую трещинами. Бледные пальцы ползли по его накидке и цеплялись, перехватывая поперёк груди; скользнув по моей руке, обожгли острой болью.

Сжать. Раздавить. Сломать. Убить.

А потом он пропал, и я канула во мглу, провалилась сквозь бездну и упала в бесконечность, и с хриплым надсадным кашлем вывалилась в густую темноту.

Это не было похоже на то место, откуда я пришла.

Багровое небо смотрело в старые окна; обшарпанные деревянные рамы ошетинились торчащими гвоздями. Кажется, даже сам воздух здесь тоже красный от непонятной взвеси. Дышалось с трудом. И я была здесь одна.

— Шорох? — шёпотом позвала я и поёжилась.

Конечно, его здесь нет. Меня охватило беспокойство. Удалось ли ему спастись от чудовищного зеркала? Я обернулась и попятилась, по коже пробежали мурашки.

Так вот же оно, зеркало-двойник того, другого. Тёмная

поверхность смотрела на меня с пристальным вниманием, словно следила. Я ждала, когда злая копия снова по-паучьи выпростает руки из-под старой рамы, забитой гвоздями, как и окна: что-то здесь не так.

Я медленно отвернулась от него, внимательно разглядывая комнату, хотя в ней не на что было толком поглядеть.

Старая скрипучая софа, застеленная гобеленовым одеялом. Большой бордовый ковёр занавешивал стену над ней. На нём — орнамент по краю, большое белое дерево в центре, олень под его сенью. В высоких кустах засел целящийся охотник. Кому придёт в голову такую сцену лицезреть каждое утро и каждый вечер? Кровавая расправа.

Я отвела взгляд и скользнула по высокой стенке тёмного дерева напротив софы.

Настоящая гордость времён наших бабушек и дедушек.

Советская стенка. Чего в ней только нет! Под пыльным стеклом на пыльных же полках — хрустальные рюмки и старый сервиз. Вряд ли из него кто-то когда-то пил.

Я вгляделась.

В тот же миг от стен отскочил старческий голос, звенящий, как медная тарелка:

— «Мадонна», ох, сколько золовка за ним бегала. Немецкий, фарфоровый... она бегала, а я теперь его береги... охотница треклятая, из Москвы его по благу притащила — переплатила двадцать пять рублей...

И смолк.

Фарфоровый сервиз.

Не то что однотипные тарелки, из которых хозяйка этой квартиры ела каждый день своей угрюмой долгой жизни.

Я заглянула на соседнюю полку. Фарфоровые пастушки и олени смотрели на меня мёртвыми глазами. Целый ряд кошек с цветными бантами на толстых шеях выстроились в ряд по размеру.

Омерзительные улыбки застыли на лицах двух балерин, глядящих друг на друга. Их ножки застыли в изящных па, но пуанта у одной отколота. Я отошла от стенки и тяжело вздохнула. Вздох этот был слишком громким в этом тухлом затхлом мирке.

У окна стоял захламлённый стол. Бумажки, склянки и пузырьки от сердечных капель, горьковатый мятный запах «Корвалола», раскрытые письма, старые конверты, однотонная ткацкая тесьма.

К столу приставлена тумбочка, на ней — швейная машинка «Зингер». Игла уже вставлена в специальный держатель, поблёскивая в тусклом алом свете из окна — оттого и она кажется красной.

Ш-ш-ш... — вдруг раздалось у меня за спиной.

Я насторожено развернулась на босых пятках. В кончиках пальцев закололо, когда на нижней полке стенки заработало старое транзисторное радио. Внизу было подписано белыми буквами: «Океан 209».

Коричневые стенки под дерево покрыты пылью. Красная

черта заплясала на диапазонах, словно кто-то невидимый крутил ручку регулятора. Шкала была подсвечена малиновым: радио шипело и плевалось обрывками тихих фраз. Оно заикалось — разобрать что-либо было невозможно, но я присела перед ним на колени. Взмолнованно уставилась на частоты.

— С-ш-ш-с-сна...

Скачок частоты, новая волна. Я поморщилась, не в силах разобрать ни слова.

— Б...ги...

И опять скачок.

— У-х-д-и-т-у-д-а

Звуки проглатывались. Стрелка сама по себе двигалась по индикатору.

Но я узнавала этот звук, этот голос.

Этот безжизненный шёпот между десятков чужих голосов я могла бы различить даже по одному звуку. Тихий хриловатый голос, мужской тембр, он шипел и посвистывал, и он говорил мне бежать!

— Шорох! Ты живой?

Я радостно прислонила руки к серебристой стальной шторке, дышащей пылью и звуками. И мне казалось, радио как живое действительно пульсировало с каждым словом, которое шептал Шорох:

— Соня-соня-соня-сон-сон-сон... пора-убегать...

— Что с тобой? Где ты?

Белый шум занял частоту, прежде чем сквозь женские тихие рыдания, гаснущие где-то в эфировых коридорах, пробился его шёпот:

— В-плохом-месте-Соня-соня... не-ищи-не-ищи...

Спину прошиб холодный пот. Я вспомнила, как Шороха туго спеленали в объятия чудовищные руки. Слабо сглотнув, шепнула в ответ:

— Почему?

— Сам-приду-сам-с-с-с-сам-сам...

За дверью скрипнула старая половица. Я встрепелась и смолкла. Тишину прерывал только шум настраиваемой радиочастоты. Тогда я шепнула, остановив крутящуюся ручку:

— Шорох, здесь кто-то есть.

Он молчал.

Скрип. Половица застонала у самого порожка, и я всмотрелась в стеклянную вставку на двери.

Стекло настолько мутное, что толком за ним ничего не разберёшь. Но там был тёмный силуэт, длинный и худой, как оглобля, и высящийся куда-то под потолок.

Волосы на затылке встали дыбом, когда я провела взглядом до самого верхнего откоса — и поняла: меня слышали и поджидают снаружи.

— Шорох! — прошипела я и отчаянно закрутила ручку радио. — Шорох, отзовись! Я не знаю, кто или что это, если ты здесь, прошу, ответь!

Тишина угнетала, шёпоты и голоса смолкли. Белый шум заполнил эфир, как набегающая на гальку волна. Раз за разом, я крутила ручку, стараясь поймать хоть эхо чужого голоса.

Тварь снаружи перемялась с ноги на ногу.

Скрип скри-и-ип, — сказали две половицы.

Провалитесь к дьяволу! Я стиснула зубы и продолжила упрямо крутить ручку. Без толку. Тогда я вскочила на ноги.

Как там он говорил?

Плохое место. Пора убегать. Но куда?!

Я метнулась к кровати и встала как вкопанная. Под гобеленовым покрывалом кто-то лежал.

Так лежат покойники, укутанные в саван. Массивное неподвижное тело натянуло одеяло. Складки ниспадают с лица и торса.

Но ведь в комнате я была одна, и на кровати никого не...

В дверь постучали, звук откликнулся эхом от стен. Я прижалась спиной к стенке и перевела взгляд с постели на дверном проёме.

То, что стучалось в комнату, толкнуло скрипнувшую дверь. Я пугливо взглянула в темноту, брызнувшую по половицам, но почти сразу краем глаза заметила движение по правую руку.

Оно уже здесь!

Шуршание, новый скрип — что-то тяжёлое опустило ноги с кровати на пол.

Я быстро перевела взгляд вправо и проглотила крик, застрявший в горле. У кровати, отражаясь в зеркальном трюмо, стояло нечто, накрытое гобеленовым покрывалом. Ростом едва выше меня, оно было человеком по силуэту — и что бы не протянуть тогда руку к одеялу и не сдёрнуть его? Я не могла даже пошевелиться от ужаса. Казалось, оно наблюдает за мной, и отвести взгляд было невозможно.

Слева скрипнул пол. Цепenea, я посмотрела вбок. В чёрном дверном проёме были чьи-то покойницы серые ноги — невообразимо длинные и худые, с болтающимся подолом цветастого ситцевого платья.

Они окружили меня, — мельком пролетело в голове. Я бегло взглянула на призрачную фигуру под гобеленом.

Мне кажется, или она неувовимо ко мне приблизилась?

Скрип — и прежде неподвижные ноги согнулись в коленях. Теперь подол платья было видно лучше. Я сглотнула и посмотрела на «гобелен». Он ещё на шаг ближе: под складками тяжёлой ткани нечто подняло руки.

Половица натужно щёлкнула. Я посмотрела на дверь, и волосы на затылке зашевелились от ужаса. На меня глядело в ответ жуткое лицо — лицо морщинистой мрачной старухи, моей соседки, что жила двумя этажами ниже. Вот только тело — невообразимо большое, тяжёлое, с конечностями длинными, как у паука-косеножки — не могло принадлежать соседке.

Пялясь на него, я потеряла слишком много времени и упу-

стила тот момент, когда...

— А-а-а!

Меня почти коснулись. Я отшатнулась в сторону и вытирачилась на гобелен, тяжело дыша: под ним тварь уже протянула ко мне руки, ткань запала во впадину огромного рта. Она тянулась ко мне, чтобы схватить

а дальше? Что будет дальше? Этого я не знала и узнавать боялась.

Влево. Нельзя забывать, что слева — старуха! Дрожащий взгляд я перевела на неё, отступая в угол у окна, потому что существо под гобеленом будет двигаться прямо на меня. Мне нужно выгадать время.

Мне нужно бежать!

Старуха встала на четвереньки. Теперь я видела: у неё была свёрнута шея, так, что обрюзгший морщинистый подбородок смотрел в потолок, а седые немытые патлы свисали почти до пола. Колени и локти смотрели в стороны: груди, как сдувшиеся воздушные шарики, болтались в расстегнувшемся ситцевом платье.

— Хочешь развлечься, дочка? — прокаркала она. — Тогда держи немного денежек. У тебя хватит денежек, чтобы сделать два круга...

Что-то звякнуло. Из-под гобелена выпала маленькая круглая пуговка. Одна, вторая. Третья. Четвёртая. Их было всё больше, они сыпались как из копилки, отскакивая по половицам. Слева старуха икнула, кашлянула. Отхаркнула на

пол перед собой такую же пуговицу — и захлебнулась в собственной рвоте.

— Всё не то! — звенели фарфоровые балерины.

— Всё не то! — дрожали пастушки.

— Другое! Нужно другое! Нужна монета!

Каждая вещь шептала и вздрагивала, точно живая, пока пуговицы горстями сыпались изо рта и из-под гобелена. Меня захлестнуло отчаяние: оставалось только проскочить мимо старухи, растопырившейся перед самой дверью, как огромное насекомое, и выбежать из комнаты прочь.

Но я знала: она следит за мной.

И тварь, накрытая пыльным покрывалом с головой, следит тоже. Они ждут момента, чтобы я отвернулась. Тогда они набросятся на меня.

Звенели оконные стёкла и щеколды на них. Монеты всё сыпались, пока фарфоровые статуэтки злобно шептали:

Не то! Не то!

Крэк!

Это треснуло правое зеркало в старом трельяже. Деревянная створа скрипнула, тёмная поверхность, отражавшая трёх призраков вместо одного, раскололась, словно кто-то метко пульнул в неё камень.

КРЭК!

В темноте вспыхнули два алых узких глаза, а следом, под ними по-паучьи — ещё шесть. Из зеркальной глубины показала и высунулась серая рука

Шорох

а затем и вторая

это он!

Пальцы ухватились за край рамы, он подтянулся, показался из тьмы и вынырнул — высунулся из зеркала. Сначала это был верх его капюшона. Затем лицо. После — широкие плечи.

Как одержимое, заклокотало само по себе смолкнувшее радио. Красная стрелка заметалась по частотам. Белый шум превратился в рёв:

— Разбей сервиз-с-с, монеты там!

Шорох вылезал из зеркала. Он уже опустил ботинок на столешницу. Слякка из-под капель лопнула под каблуком, когда он с удовольствием на неё наступил и втоптал в пол всем весом своего тела:

— РАЗБЕЙ!

Мой взгляд упал на сервиз. Поверх белоснежного фарфора — поднеси такой к солнцу, и он будет просвечивать — аккуратно нанесены копии мейсоновских пасторальных картин. Жизнь крестьян восемнадцатого и девятнадцатого веков, овечки, пасущиеся на заливных лугах

тот заливной луг, где стояло тёмное зеркало — я узнала его на пузатых бочках фарфоровых чашек!

На моём пути встал призрак под гобеленом, но присутствие Шороха здорово меня ободрило. Я взглянула на него. Он уже показался из зеркала целиком и спрыгнул на пол,

грохнув каблуками о половицы.

Во мраке под капюшоном зажглась яростная зубастая ухмылка, и он обвёл старуху и призракa восемью алыми глазами

теми, что на лице: прочие горели на теле под рваной накидкой.

И я поняла: пришёл мой черёд.

Стоило мне сделать шаг, как Шорох шагнул навстречу тоже. Старуха рванулась в прыжке: миг — и она сбила бы его с ног, но Шорох резко развернулся к ней и сжал костлявые длинные руки в своих кулаках. У него под кожей вздулись вены. Напрягшись и оскалившись, он словно врос в пол — ботинки скользнули на пару сантиметров, не больше. Свёрнутая башка нависла над его лицом. Искажённые злобой тонкие губы скривились. Гнилые пеньки вместо зубов щёлкнули вблизи его капюшона. И даже до меня донёсся смрад из её рта.

В один миг со старухой прыгнула и тварь под покрывалом, но Шорох пригвоздил её к полу, буравя взглядом. Его глаза разгорелись в полумраке затхлой комнаты ярче.

— Я их задерж-ш-шу... — многоголосо зашептали голоса из радио.

И тогда я прыгнула к стенке, дёрнув стеклянную дверку, не думая о страхе. Одна петля рассыпалась в труху, дверка жалобно скрипнула и повисла на второй. На пыльных полках задрожали как живые фарфоровые фигурки.

Радио булькнуло динамиками и захлебнулось, дрожа и подпрыгивая:

— С-с-скорее!

Пастушки, кошечки, балерины — все эти мерзкие твари почему-то были повёрнуты ко мне кукольно-милыми дьявольски злыми, искажёнными, точно их раскрашивал какой-то злой художник

лицами. Я замешкалась только на миг. И сразу за спиной — звук удара и душераздирающий треск старых половиц. Шорох упал на колено с такой силой, что разболтанные доски под облезлым линолеумом пошли щепами.

Чудовищная старуха нависла над ним, она давила всей своей массой, налегая локтями и обвислой грудью так, что руки у Шороха от напряжения дрожали. Старухино полное рыхлое тело медленно становилось похожим на тараканье. Ситцевое платье порвалось на спине, плоть грузно осела, не поддерживаемая тканью. Спина оказалась панцирно-твёрдой, а сбоку и из-под расползающегося платья, срывая пуговку за пуговкой, полезли убого тонкие ножки. Они копошились, цепляясь за бурую накидку Шороха.

Он не отводил взгляда от призрака под гобеленом. Тот уже повернулся ко мне, подобравшись на шаг ближе.

Нужно действовать!

— Маленькая суч-чка, ш-шлюха потусторонней твари! — зашипела, колотясь от злобы, балерина, так и застывшая в изящном па. Сложенные бантиком губы исказились в губа-

стом оскале. — Если ты коснёшься чего угодно здесь, будешь про...

Я смахнула фарфоровую тварь прямо на пол. Победа! Она безвольно упала на грязный линолеум. Откололся кончик носа и ножка, вытянутая в ласточке. Так ей и надо!

— Убить! Разорвать! Уничтожить! — зазвенели остальные фарфоровые товарки.

Улыбнувшись им, я злобно смахнула всё, что было на полке, и фигурки зазвякали, упали. Две кошечки раскололись пополам, и из них на линолеум высыпалась горстка серого пепла.

Шорох мучительно скривил зубастый рот и опустил на второе колено.

Старуха напоззала ему на лицо толстым тараканьими брюхом с дугообразными жёлтыми пластинами на нём. Она постоянно шевелила тоненькими лапками по обе стороны грузного тела, пыталась сорвать капюшон с головы Шороха — и наконец налегла на него. Она пыталась закрыть ему обзор. Она хотела, чтобы он не смотрел на тварь под покрывалом!

Если Шорох не сможет, тварь схватит меня, а там — конец.

Что будет после того, как тебя схватят в Красном мире? Я боялась даже думать об этом.

Я бросилась к чашкам, блюдам и молочнику. Там было пусто. На мейсеновских гравюрах, выкрашенных на стенках

сервиза, кто-то отрезал овцам головы и расчленил пастушку. Голову насадили на ветку дерева.

А на том дереве, что красовалось на чайнике, поверх лазурного неба качались висельники.

Клокочущее радио захрипело.

Я стремглав обернулась. Шорох уже не смотрел на существо под покрывалом, пытаюсь отбиться от старухи. Она мучительно медленно пожирала его лицо. Толстый зоб довольно задрожал, пока Шорох наносил один удар за другим — то в грудь, то в панцирный живот, то в дряблый бок. Но замахи становились всё короче, а кулак работал всё слабее.

— Держись! — выкрикнула я, но не успела отвернуться.

Призрак встал перед моим лицом; ещё одно движение — и он набросится на меня. Только бы не моргнуть. Ведь ему хватит и доли секунды.

— В этом сне застрянешь, — хрипло прокаркал он старушечьим голосом из-под гобелена, — наяву умрёшь!

— Умрёшь, умрёшь, умрёшь! — зашептала мебель и расколотые статуэтки.

Я протянула руку к чайнику. Больше монете быть негде, только там. Едва нащупала крышку.

Шорох ослабел и обмяк за спиной у призрака, тщетно пытаясь столкнуть с себя старуху. Она пожирала его живьём!

Крышка зазвенела, когда грянула об пол. Я сунула руку в пузатый чайник и пошарила по влажным стенкам, словно в нем плесневело и тлело уже давно что-то смрадное, что-то

мерзкое.

Я буравила взглядом призрака, не смея отвернуться или моргнуть. В глазах уже щипало, но пальцы... пальцы наконец наткнулись на маленькую холодную монету.

Она выскользнула только на миг, чтобы сразу найтись на дне.

И призрак, точно почувствовав это, хрустнул костями под покрывалом.

Его сломало и перекосило там, под тяжёлой тканью, выдохнувшей в воздух клубом пыли.

— Что взяла, теперь моё! — прошептала я, чувствуя, что начинаю пробуждаться.

Сон таял и исходил маревом по периферии зрения. Меня толкнуло в чёрную воронку. Опрокинуло, как в колодец. Я мельком успела взглянуть на Шороха: почти по плечи старуха заглотила его голову в треугольную огромную пасть. Я не могла и в этот раз так просто его бросить, и не выдержав, закричала:

— Пошла прочь! — у меня было мало времени до пробуждения. — Прочь от него, тварь!

Красный мир канул в колодец. Старуха влажно кашлянула мне вслед.

С громким новым воплем «Прочь, прочь!» я вынырнула из мглы и подскочила на стуле в аудитории вся мокрая от пота. Передо мной, прямая и недобрая, стояла Таисия.

Свет уже включили, фильмоскоп стих.

И тут ладонь мою обожгло холодом. Я почувствовала, что держала в ней что-то — могильно ледяное, странное, как рука покойника, но посмотреть не могла, что именно это было. Таисия зачаровала меня своим неживым взглядом из-под толстых стёкол.

— Можете на мои лекции больше не являться, — процедила она и, развернувшись, ничего не сказала больше.

В этот миг в коридоре брякнул звонок.

Убитая её словами и всё ещё испуганная, я посмотрела под парту и раскрыла ладонь.

В ней лежала монета из сна.

Глава седьмая. Пять американских центов

— Вот это тебе не повезло, — посочувствовала Света, отстукивая кому-то сообщение на телефоне и пытаясь одновременно сунуть руку в рукав куртки.

К слову, сочувствовала она уже четыре пары кряду, и мне это порядком надоело. Мы забрали вещи из гардероба и собирались по домам, но чувство, что я только что вышла с ДРЯНИ, осталось.

— Она остынет, — небрежно поморщилась я, хотя внутри всё было липким и холодным. Неясно, что напугало больше: чудовищный сон или заявление Таисии. Все знали, она в своих решениях была чертовски непреклонна. — Куда денется.

Но сама знала, что Таисия может и не остыть, это раз.

А может, меня напугала та монета, которую я спрятала во внутренний карман сумки. Это два.

На улице быстро смеркалось. Поднялся колючий холодный ветер, студенты торопились каждый по своим остановкам, и каждый — в свою сторону. Унылый старый корпус университета снаружи выглядел ещё печальнее, чем внутри, построенный ещё в пятидесятые годы и переживший явно

меньше ремонтов, чем требовалось.

Длинный переход из одной части здания в другую был остеклён, но в деревянные дырявые рамы всегда дул холодный ветер с чёрных полей, которые можно было легко увидеть, поднявшись на второй этаж. Корпус окружал частный сектор, а за ним — неухоженное захолустное разнотравье. А если пройти немного дальше, вдоль овражка, посечённого сухими кустарниками, и попадёшь к старой трамвайной остановке.

Грязные, мутные окна в длинном тусклом коридоре были наполовину заставлены растениями в разномастных кадках и горшках. Они появлялись здесь фантастическим образом, словно из ниоткуда, и кто их приносил — захоз, или сторож, или уборщицы, или преподаватели — один чёрт знает, но главное — однажды они просто возникали на своих местах, как по волшебству. И их тоже приходилось поливать. Впрочем, не все выживали: многие так и усыхали в кадках.

В подвесном горшке спускался желтоватыми листьями-сердечками сциндапус. Жухлые листья старой монстеры мешались с ещё бодренькой и молодой монстерой с гладкими, тёмно-зелёными, тугими шапками на толстых стеблях. Из-за них казалось, коридор был джунглями, и по стене напротив плясали жуткие длинные тени, похожие на длиннопалые руки. Ещё немного, и что-то выглянет оттуда...

— Соня, ну так что?

— М?

Ей пришлось с неохотой повторить, сообразив на лице сердитую гримасу, и я потёрла кончик носа. Так делала всегда, если смущалась, чтобы скрыть, как краснею.

— Где ты витаешь, в каких облаках?

— Хорош меня распекать.

— Я говорю, всё на выходных в силе?

— Ты о чём?

Голова у меня, как камень, мысли ворочаются с неохотой. Мне не хотелось идти домой: там пока что только сестра, а родители приедут не раньше девяти. И не сказать, что мы с Евой не уживаемся, но и друзьями назвать нас трудно. Во всяком случае, слушать целый вечер её поучения и занудства меня вообще не прельщает. Я буквально жила и молилась, чтобы она нашла себе мужчину и отвлеклась со своими нотациями и беспокойствами с меня на него — ведь, кажется, пару заводят, чтоб портить настроение второй половинке, а не несчастным родственникам?

Но Ева упрямо оставалась одиночкой.

Если это ради меня такие жертвы, пожалуйста, лучше не надо!

— Я о квартирнике, — Света округлила глаза. — У Севичевой.

А, ну да. Кристина Севичева пригласила нас на свою вечеринку. Нас — значит, симпатичных девчонок и ни в коем разе не заучек. Она планировала организовать одну из тех вечеринок с бутербродами, дешёвым вином и пивом, где бу-

дуг её знакомые парни с юрфака и технического. Ещё должен был спеть на гитаре её парень: он играл в какой-то неизвестной группе, Севичева им очень гордилась. Я лениво пожала плечами и ответила, как всегда, абстрактное:

— Посмотрим.

Но сама ужасно не хотела никуда смотреть. Разве что на ту монету. Она даже в сумке не давала мне покоя. Волнами то накатывало, то уходило в тёмные глубины подсознания нарастающее беспокойство. Я знала, почему это чувствую.

До сегодняшнего дня Красный мир был таким же неясным и ненастоящим, как далёкая страна, нарисованная где-то на глобусе. Ты до конца так и не веришь в то, что где-то такая есть — с мангровыми зарослями или паковыми льдами — ну разве что на картинке. А может, и не про глобус речь, а про нарисованную карту придуманного мира из книжки. Вот и Красный мир был далёким, как те карты из книжек, и я надеялась — он нереален. Даже если сны дарили мне кошмарные эмоции, и тремор в руках, и стремительно колотящееся сердце, они не могли ничего мне сделать.

Так я надеялась.

Растерянная, я спускалась по гранитным сбитым ступеням вон из корпуса, сжимая в руке лямку сумки и думала, как так могло случиться — чтобы не кошмар затащил меня в свою бездну, а чтобы я вытащила из кошмара что-то материальное. Ощутимое. Настоящее.

Мы со Светой почти молча дошли до остановки и попро-

щались там, сев каждая на свой автобус. Наконец, я осталась одна. Вбежав по ступенькам в душный салон и вдыхая запахи бензина, пыльных кресел и сладковатого пластика, я оплатила кондуктору билет и устроилась внизу, на одном из первых десяти мест у большого пыльного окна. Передо мной была только кабина водителя, отгороженная жёлтым поручнем — и тишина.

Скоро люди начнут заходить на остановках, здесь станет шумно, кто-то сядет рядом со мной.

Подожди до дома, — сказал мне голос разума. Если людей набьётся как рыб в бочку, можешь потерять её...

Но я не могла долго терпеть и холодеющими пальцами открыла сумку. Расстегнула маленький внутренний кармашек.

И вспомнила, как старуха обгладывала его лицо под рваным капюшоном.

Монета была ещё холоднее моих рук, когда я взяла её, и она обожгла кожу, точно кусок льда. Я сглотнула поднимающийся тошнотный ком и поднесла её ближе к глазам, желая рассмотреть лучше.

Автобус повернул, мир затанцевал круговертью бледных ноябрьских красок на периферии зрения.

Серебряный тусклый диск с выпуклой чеканкой теснил четыре цифры:

1937

А сверху была надпись:

LIBERTY

Центр казался затёртым и изображал человеческий профиль. По орлиному носу, глядящему вниз, и по выступающему подбородку, и по косе, спускавшейся на покатое плечо, и по двум перьям на затылке я безошибочно определила: это индеец.

Повернула монету и увидела трёхногого бизона с косматым горбом и тесной надписью над ним:

UNITED STATES OF AMERICA

А снизу — наплывшую на ободок:

FIVE CENTS

Это была американская монета в пять центов; бык на ней оказался почему-то трёхногим, и я мало что соображала в таких вещах, чтобы сделать больше выводов.

Зато нужную информацию вполне можно найти в сети.

Это было просто. Я взглянула в окно: автобус проехал чуть больше половины пути, время ещё есть.

Я достала смартфон, вбила в поисковик американские пятицентовики и листала одно изображение за другим и разглядывала их, желая отыскать нужное. Из раздела «Картинки» в поисковике только со второй страницы на меня посмотрел тот самый индейский профиль.

Я открыла вкладку. Меня отправили на сайт, посвящённый нумизматике и сделанный в тёмно-красных благородных тонах. Сев повыше в кресле, я углубилась в чтение:

«Редкая монета станет украшением коллекции любого нумизмата. Разглядывая чеканку и просто держа её в руках, вы

невольно думаете о важных событиях былых эпох. Коллекционеры бережно хранят их, а особенные ценители рассматривают как ценную инвестицию.

Одна из самых желанных для нумизматов монета:

ТРЁХНОГИЙ БУФФАЛО 1937 ГОДА

Относится к категории редких монет, пользующихся особым интересом коллекционеров. На самом деле, это ошибочная, бракованная монета, связанная с бракованным тиражом. Стоимость изготовления штампов для монет в те времена была высокой. Время от времени штампы шлифовали, чтобы продлить срок их службы. Один усердный работник монетного двора отшлифовал штамп до такой степени, что удалил переднюю ногу бизона на реверсе. Эти монеты долгое время находились в обращении и не сразу обрели популярность, однако, несмотря на умеренную цену, «Трёхногие Буффало» — ценный трофей для состоятельных коллекционеров, так как экземпляров осталось слишком мало...»

— Остановка «Улица Революционная», — сказал сухой механический голос на записи, и я подняла голову от светящегося экрана телефона. — Следующая остановка — «Глазная больница»...

Здесь мне и нужно выйти. Я быстро сжала пять центов в кулаке и выскочила из автобуса в дверь возле водителя, протолкнулась в толпе вон с остановки и остановилась под фонарём, посмотрев на «Буффало», который как ни в чём не бывало лежал на моей ладони. У обочины остановился новый

автобус, и я задумчиво подняла от монеты взгляд, наблюдая за тем, как в открытые двери вливался поток пассажиров.

Неужели ко мне попал настоящий «Трёхногий Буффало»? Поверить не могу. При чём здесь американская монета и комната старухи из моего сна? И как вообще — теоретически даже — я оказалась в своей реальности с пятью центами из кошмара в руке?

Вопросов было слишком много, а ответов — ни одного. Небо совсем заволокло, опустились и без того низкие кучевые облака. Тогда казалось, вот-вот посыплет мелкий колючий снег.

Я энергичным шагом направилась к светофору. Он красным-красным маревом дрожал в лужах под ногами и, мерцая, шептал об опасности.

Красный всегда был цветом опасности.

Остановись, иначе случится несчастье.

Но я не могла остановиться. И прежде, чем перейти через дорогу на зажёгшийся зелёный, вдруг увидела потрёпанное ветром и непогодой рекламное объявление, наклеенное поверх десятков точно таких же.

А потом я шагнула назад, посмотрела на стену дома и увидела, что их там были сотни, и все словно в унисон подсказывали, куда мне нужно попасть.

Вопросы подлинности всегда всех интересуют.

Подлинное — значит, настоящее; настоящее — то есть, единственно верное. Признанное. Ценное.

Настоящей была моя монета или нет, но я хотела это узнать и выискала на одной из станций метрополитена ломбард. Спустившись в подземку и проехав две станции, я только отдалилась от дома, а когда вышла на поверхность, закрыла сумкой голову: обещанного снега не было.

Был проливной дождь.

Светофоры бросали зелёные и красные пятна на лужи, заливавшие асфальт. Так и держа сумку на макушке, я бегом припустила к нужному дому, беспомощно разглядывая в ранних сумерках вывески: магазин одежды, оптика, парикмахерская, продукты двадцать четыре на семь... В кулаке я сжимала ту бумажку с адресом.

Ломбард нашёлся между ними и цветочным киоском. Я заозиралась, прежде чем туда войти: район не самый благополучный, да и такие заведения я стараюсь обходить стороной. Ломбард, как и контора с микрофинансовыми займами — показатель того, что у тебя что-то не в порядке, так говорили мои родители. Но мне-то нужна была там только услуга оценщика, верно?

Я решительно опустила сумку и потянула на себя белую пластиковую дверь. Внутри пахло сыростью; в маленьком помещении с гранитной ступенькой и полами, застеленными линолеумом, светила только одна тусклая лампа над низким

потолком. Да уж, не так я себе представляла место, где торгуют золотишком.

Или принимают его у тех, кому нужны хоть какие-то деньги.

За грязным старым стеклом сидел полный мужчина лет шестидесяти. В глубине, в тених за его спиной, крутился какой-то длинный тощий парень. Завидев меня, он юркнул прочь и пропал.

Мужчина смотрел новости по маленькому кухонному телевизору, и, когда я вошла, даже не сделал потише.

Я поджала губы и спустилась со ступеньки к нему.

— Здравствуйте.

— Добрый вечер, — сказал он, не отрываясь от новостей, которые смотрел поверх маленьких очков, спущенных на середину носа.

Я плохо знала, как начать, поэтому сразу достала монету и положила руки с ней на стойку, скрестив их в запястьях, и замолчала, покосившись на маленькую грязную бумажку на стекле с фамилией «П.Н. Зильбер».

— Я прочитала, у вас можно оценить один предмет...

— Золото, серебро? — привычно спросил Зильбер. — Давайте сюда, посмотрим.

Я посмотрела поверх его головы, поверх чёрных волос, уже припорошенных сединой, как пеплом из сигареты, и запнулась. Там была комнатка для сотрудников; дверь в неё приоткрыта, и внутри моргал свет. Так часто моргал, будто

кто-то включал и выключал лампочку, выжидая по несколько секунд между этими действиями.

Зильбер смерил меня недовольным взглядом. Я стояла, молчала, пялилась ему за спину и мешала смотреть телевизор — что ж, его гнев понимаю! Я спохватилась и протянула ему монету.

— На стол положите.

Мне было жаль выпускать её из рук, но я оставила серебряный пятицентовик на потёртой клеёнке. Зильбер вытянулся лицом, нахмурился, взял монету и поднял очки на нос.

А я опять посмотрела туда, в глубину подсобки в конце тёмного коридора. Свет дрогнул, точно в лампу стукнулась жирная муха, и перестал моргать, будто всё было в порядке. Только всё равно что-то не давало покоя. Я переступила с ноги на ногу; с подошв «мартинсов» на линолеум уже натекла грязная лужица. Зильбер наконец изрёк:

— Ор-ригинальная штукавина. Хм. М-м-мгм. Откуда это она у тебя?

— У вас, — машинально поправила я. И продолжала искоса поглядывать ему за спину. Зильбер вскинул на меня бесцветные глаза и хмыкнул, копошась с монетой. В его больших полных пальцах она казалась совсем крошечной, даже игрушечной.

Я вспомнила фарфоровые голоса балерин и холодный укус у себя на руке, и машинально потёрла эту самую руку. Зильбер надел ещё одни очки, прямо под первыми, и взял

лупу.

— Она из себя представляет что-нибудь.... — я запнулась, пока он сгорбился над столом, а затем включил настольную лампу, рассеявшую тусклый жёлтый свет. — ...ценное?

— Ценное? — эхом повторил Зильбер и скривил толстые губы, медленно начиная качать головой. — Нет. Не-е-ет, я так не думаю.

Но я видела, что он врёт, по подрагивавшим пальцам. По толстой складке нахохлившейся шеи. По жадному блеску в маленьких глазках.

Сзади него свет снова погас-зажёгся. Я беспокойно нахмурилась.

— Что она, совсем ничего не стоит?

— Ну, может, пятьсот.

— Пятьсот чего?

Зильбер насмешливо выпрямился и положил монету на стол, накрыв её ладонью.

— Рублей, милочка.

— Я не милочка. — Пришлось снова его поправлять. Зильбер сразу помрачнел. — Хорошо, тогда я пойду. Давайте её сюда.

Новости шипло бормотали из забитого пылью динамика. Муха — жирная, чёрная, похожая на кляксу — действительно назойливо билась о склянку лампы под потолком. В ломбарде пахло затхло, неблагополучием и старьём. Зильбер

неприятно улыбнулся мне, и показалось, что зубов у него куда больше, чем положено иметь человеку.

— Разве ты не хотела бы её продать, милочка? — спросил Зильбер, постукивая ботинком о линолеум за пластиковым исцарапанным окошком.

— Не думаю. Не сейчас.

— В ломбард приходят закладывать вещи. Просто так оценить безделушку, потратить моё время и свалить нельзя, за это нужно заплатить, — сварливо отозвался Зильбер.

Свет позади него принялся отчаянно моргать, и вспыхивал с каждым разом с такой силой, что бросал яркую жёлтую тень на пол, озаряя узкий коридор. Я решительно посмотрела Зильберу прямо в глаза, а по спине бежали мурашки.

Это не нравилось мне всё сильнее и сильнее.

— Сколько стоит ваша услуга? У меня есть деньги. — Я следила за монетой так, словно Зильбер был иллюзионистом, способным испарять вещи в руках.

— Милочка, разве я сказал, что мне нужны деньги? — возразил он. — В этом месте платят другими вещами.

— Какими?

— Вещами из снов.

Казалось, грани реальности пошатнулись, стали зыбкими и условными. Почему-то у меня закружилась голова, а во рту стало солоно. Телевизор бормотал всё быстрее; он переключался с канала на канал, и я слышала отрывистое «пришло» «то самое время» «бежать», сказанное прерывисто, разны-

ми голосами, будто кто-то щёлкал пультом и резал фразы на куски. Зильбер встал из-за стола. Он вырос передо мной чёрной толстой кляксой, и только на его лице продолжали гореть белыми бликами четыре квадратика очков.

— О чём вы? — медленно спросила я.

— Разве он тебе не объяснил? — спросил в ответ Зильбер.

Из подсобки донеслись странные звуки, будто кого-то рвало или этот кто-то очень громко рыгал. Я испуганно округлила глаза и посмотрела на Зильбера; тот неприятно ухмыльнулся.

— Ты думаешь, ты одна такая, — сказал он, уперев толстые руки под клетчатой рубашкой в стол, и в его правом кулаке была моя монета. — М, милочка?

— Одна — какая?

А сама всё думала, как бы добраться до пятицентовика. Эх, если бы не эта прозрачная стена и высокая стойка! Стол у Зильбера был значительно ниже, но стойка доходила мне до груди. Оставалось только клясть себя за глупость. Зачем я сюда пришла? Всё это промелькнуло в мыслях за мгновение, а потом развеялось, когда Зильбер сказал:

— Гуляющая со сноходцем.

Рвотные звуки усилились. Я сжала плечи, стиснула ремешок сумки, отступив на шаг.

— Что это у вас там?

— Где, милочка? — теперь я точно видела, что у Зильбера был полон рот острых, как иглы, и таких же тонких зубов.

Верхний свет потускнел, совсем как люстра в театре, которую гасят во время начала представления, и очки на чёрном, затканном тенями лице разъехались шире по широкой мясистой физиономии, будто у Зильбера было целых четыре глаза, а не два.

«Пришло».

«То самое время».

«Бежать».

«Прямо».

«Сейчас».

Я сделала ещё два шага назад. Зильбер подался мне навстречу, положив толстый живот на стол и прижав пустую ладонь к прозрачной перегородке. Настольная лампа моргнула и с тихим хлопком погасла.

— Ах, там? — спросил он и ткнул большим пальцем себе за плечо.

Хлоп!

Дверь открылась сама по себе, будто её распахнул порыв сильного ветра. Света за ней не было. И вместе с хлопком из черноты на стены выползли три бледных руки.

— Ничего особенного, — продолжил Зильбер, впиваясь в меня взглядом.

«Пришло».

«То самое время».

«Бежать».

«Прямо».

«Сейчас!!!».

Телевизор заткнулся и пошёл помехами. Зильбер недобро усмехнулся.

— Этот твой мразотный прихвостень. Он всё болтает и болтает. Болтает и...

Зильбер резко сбросил телевизор на пол, и тот с грохотом рухнул под стол. Я вскрикнула.

— ...болтает!

Ещё четыре пары руки выползли из-за двери. Всё во мне кричало — беги, но я не хотела этого сделать, иначе пришлось бы оставить здесь монету.

— Верните мне её, — твёрдо сказала я и исподлобья поглядела на Зильбера. — Сейчас же.

— Нет, милочка. Эта штучка нужна мне самому.

Весь дверной проём кишел руками. Они цеплялись за откосы, множась и шевелясь, как червивый клубок, и пальцы слепо хватали воздух, будто пытаясь что-то нащупать. Что-то — или кого-то.

А потом свет вовсе погас. Чёрный прямоугольник двери с громкими хлопками начал приближаться, стоило мне моргнуть. Ближе на метр! Ближе сразу на пять! Я попятилась, споткнулась о провод под линолеумом и от испуга села на гранитную ступень, больно стесав кожу с поясницы. А руки уже схватили Зильбера за плечи, стиснули его голову, вцепились пальцами в лицо и толстые бока — и словно куклу утянули вглубь чёрной комнаты.

Бежать!

Я развернулась и слышала хлопок.

Бежать!

Толкнула белую пластиковую ручку и вывалилась наружу. Коса взметнулась за спиной, и меня схватили за неё, больно дёрнув назад. Я взвыла и бросилась прочь, оставив клочок волос в бледных пальцах твари из ломбарда, а потом не удержалась и упала на асфальт прямо в лужу, буквально под ноги прохожим, вся дрожа от страха.

В чёрном стеклопакетовом окне рука перевернула табличку с «Открыто» на «Закрыто» и только. А я, ощупывая зернистый асфальт, стучала зубами от страха, не в силах так быстро осознать, что произошло.

— Я дома.

Два слова. Я дома. Простые такие, брошенные вскользь слова, а знаешь, сколько я отдала бы сейчас за то, чтобы произнести их опять?

Мне никто не ответил: на кухне громко работал телевизор. Мама готовила ужин, запекала за что-то отца. Дверь в Евину комнату была плотно закрыта, но голос её доносился — может, говорила по телефону? Я сняла ботинки, повесила испачканную куртку на крючок и потихоньку прокралась к себе в комнату, чтобы переодеться в чистое до вопросов, что

случилось и почему...

— Боже ж ты мой, Соня, ты это откуда такая?

Мимо моей мамы не прошмыгнёт даже мышь. Да что там мышь. Даже Шорох, уж в этом я твёрдо была уверена. Она подошла к холодильнику, который стоял у нас в коридоре, и застыла, глядя на меня округлившимися глазами. Я представляю, почему: одежда сырая от дожди и вся в грязи и подтёках из лужи, мокрые — хоть выжимай — волосы всклокочены, ладони в ссадинах.

— Мам, я это.

— Ты что, упала?

— Ага.

— Ага. — Раздражённо повторила она. — Как это тебя угораздило?

— В луже поскользнулась. — И я неловко пояснила. — Там дождь сильный пошёл.

— А зонт ты не взяла? Прогноз погоды не смотришь? Соня, ну не лето же! Живо мыть руки! И в душ залезь. Ну-ка. Да ты ледяная!

Это от страха, — хотелось сказать, но я промолчала. Мама сердито загнала меня в ванную и закрыла дверь, с ворчанием удаляясь по коридору на кухню. Я выдохнула. Ну и славно, что всё обошлось малой кровью. Я включила воду в ванне, вспыхнул голубой огонёк в старой колонке на стене, затрепетал тройным язычком. Я посмотрела в зеркало и медленно распустила косу, морщась от боли в затылке. Чёртовы руки

из ломбарда Зильбера так больно схватили меня за волосы, что теперь болит голова!

Я разделась, бросила в стирку грязную одежду и забралась под поток из душевой лейки, не задёрнув штору. Зажмурившись, подставила лицо потоку, наслаждаясь горячей водой, дробно стучавшей по обнажённому телу, и хорошенько умылась, а потом намочила волосы, зачесав их назад ладонью.

Я профукала пятицентовик. Что меня дёрнуло пойти в этот чёртов ломбард? Как можно было довериться тем грёбанным объявлениям? Они как нарочно там висели, искушали проверить монету. Настоящий ли это «Буффало» или нет? Вот и проверила.

Я закрыла лицо ладонью, покачиваясь из стороны в сторону. Это помогало прийти в себя, когда было особенно плохо и не спасало уже ничего — только покой, темнота и повторяющаяся мысль, похожая на мантру: всё в порядке, я в безопасности. Всё хорошо. Я со всем справлюсь. Всё в порядке, я в безопасности...

Вдруг чья-то рука коснулась моей талии, а другая легла мне на рот. Я резко выпрямилась и дёрнулась, чтобы ударить подкравшегося сзади некто локтем или ступнёй, но меня прижали к себе так плотно, что я обнажённой спиной ощутила тяжёлое мужское тело, а следом — знакомый запах.

Запах камня, сырого после дождя. Запаха озона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.